

НАДЯ ХЕДВИГ

Все чудовища
хотят, чтобы
их любили

ПОЦЕЛУЙ
ЗИМЫ

Охотники за мирами

Надя Хедвиг

Поцелуй Зимы

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хедвиг Н.

Поцелуй Зимы / Н. Хедвиг — «Эксмо», 2024 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-196916-5

Вера ненавидит свой дар оживлять фантазии. Когда-то она оживила парня, а тот на ее глазах убил ее друга. Теперь все, чего хочет Вера – забыть о случившемся и жить нормальной жизнью. Но у судьбы другие планы: однажды ночью к ней заявляется зловещая старуха и насильно передает свой дар. Оказывается, это одна из четырех Великих Дев – древняя Зима, а дар, который она передала Вере, – способность холодом останавливать человеческое сердце. Чтобы избавиться от страшного подарка, Вера должна выяснить, кто убил ее предшественницу и кто на самом деле стоит за смертью ее друга. А самое главное – почему Зимняя Дева выбрала ее? Уж не потому ли, что настоящее чудовище – она сама?.. Первая часть трилогии о Великих Девах – хранительницах времен года. Зимняя сказка, пронизанная обманчиво прекрасным волшебством. Городское фэнтези, магический реализм, запутанный сюжет, тайны, уходящие корнями в прошлое, и яркие герои. История, в которой желания людей становятся реальностью. События сюжета разворачиваются в Москве и области столицы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196916-5

© Хедвиг Н., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Надя Хедвиг Поцелуй Зимы

© Хедвиг Н., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Огромная благодарность Ане и Лин. Без вас этой книги бы не было.

Пролог

Антон

Незадолго до того, как все случилось, Хельга вызвала меня к себе. Весенняя Дева уже отстрелялась, и правила Летняя – Юля. На улице было жарко, как в Преисподней.

Обычно Хельга пережидала лето у себя в Сокольниках, заказывала вентилятор помощнее и на три месяца превращалась в добропорядочную пенсионерку. Однажды я спросил, может ли она растаять. Хельга рассмеялась и посоветовала мне читать поменьше сказок.

Вентилятор я установил ей еще весной, продукты заказывал раз в неделю, так что понятия не имел, зачем она позвонила. Я приехал ровно в десять, как условились. Хельга не терпела опозданий.

Она открыла дверь, внимательно осмотрела коридор и отступила внутрь квартиры.

– Заходи.

На всякий случай я тоже оглянулся, но ничего странного не заметил. Хвостов не было – их я быстро определял еще с армии.

– Приветствую.

Я вошел. Коридор выглядел как обычно: деревянные стеллажи по углам, плетеная дорожка. Пахло пылью и деревом. Непохоже было, что Хельге что-то угрожало.

– Что случилось?

– Что ты с порога... Проходи.

Держась за стену, Хельга прошлепала на кухню. Волосы ее побелели, сама она стала словно ниже ростом, сгорбилась. Неудивительно, что летом она не показывалась людям.

– Сделай чайку, – велела она, а сама села за стол, вытянув ноги в тапочках.

Иногда она напоминала мне школьную учительницу: на затылке торчал жидкий седой пучок, тщедушное тело утопало в голубом свитере с люрексом, строгая черная юбка прикрывала острые колени. Только глаза оставались внимательными и зоркими, как у коршуна.

Я вскипятил воду и заварил чай. Поставил две белых чашки без рисунка на выскобленный стол.

– Я сяду?

– Уж будь добр.

Я сел так, чтобы видеть приоткрытую дверь кухни. Проверил кобуру на поясе. Хельга криво усмехнулась и отхлебнула чай.

– Крепкий... Хорошо.

Я ждал. Она выпила полчашки и сказала:

– Скоро настанет час, Антоша. За мной придут. Не сейчас. Еще есть время. – Она замерла, как будто прислушивалась. – Есть время.

Я положил руки на стол.

– Я останусь.

– А ни к чему. Так уготовано. Судьба... Тебе надо будет постараться после.

– Я смогу тебя защитить.

Она покачала головой.

– Я и сама могу себя защитить. Но никто не избежит судьбы. Мне давно уже пора. Достаточно душ я намучила.

Я оглядел кухню. Два окна, одно приоткрыто – можно пробраться. Третий этаж – вполне. Дверь хлипкая, замок никуда не годится. Поменяем. Если я переберусь сюда, уж как-нибудь...

– Кто нападет? – спросил я. – Когда?

Хельга сверкнула глазами из-под седых ресниц.

– Ты не слушаешь! – рассердилась она.

Я выдержал ее взгляд.

– Ты человек. – Хельга крепко сжала мне запястье сухими пальцами, и я почувствовал, как лед прошел мышцы аж до самой кости. – И спорить со мной брось. Слушай до конца и делай, что сказано. Затем ты и служишь.

Руку хотелось вырвать до чертиков, но я знал, что будет только хуже. Сделал два вдоха и на третий произнес:

– Так точно.

– Так-то. – Она кивнула, будто сама себе, и отпустила меня. – Седьмого июля этого года в девять тридцать две. Будь под землей. Где надпись «Пролетарская». Найди ту, у которой волосы светлые и влажные, и страх сковал сердце. Спаси ее, даже ценой чужих жизней. Она и будет мне заменой.

Мокрые волосы и страх в сердце? Это как искать иголку в стоге сена. Но деваться мне было некуда. Если Хельги не станет, некому будет замораживать мое сердце.

– Во что она будет одета? – наконец спросил я.

Глава 1

Вера

Наум раздраженно ворчал на кухне.

Вообще-то я не знала, как его зовут – Принц, Васька или просто Кот, – но решила, что так, с именем, мне будет проще с ним подружиться. Кот был старый, неповоротливый и вместо мяуканья выдавал что-то похожее на «умм». Морда его вечно выражала недовольство, усы раздраженно подрагивали всякий раз, когда я звала его, а вид был такой, словно это не он у меня, а я у него живу. В каком-то смысле так оно и было: крошечную однушку в Текстильщиках мне сдали с наказом «позаботиться о старом котике» и похоронить во дворе, когда придет время.

Последний месяц Наум был единственным живым существом, которое составляло мне компанию, если не считать доставщиков пиццы и краснощекой кассирши из «Пятерочки». Целыми днями я строчила в тетрадь с серыми листами, найденную тут же, на антресолях. Писала все, что помнила из прежней жизни – точнее, то, что случилось три года назад.

Редкие вылазки за продуктами и мелочами вроде порошка и прокладок чередовались с ночными кошмарами и попытками снова заснуть среди шорохов старой квартиры. Но я не жаловалась. То, что я вообще прожила этот месяц, не растворившись в воздухе и не покончив с собой, уже было неоспоримой победой.

Надо было двигаться дальше. Так что сегодня я приняла два важных решения. Во-первых, никаких больше выдуманных денег: обидно будет разменять остатки души на воображаемые бумажки. Во-вторых, пора было возвращаться к нормальной жизни.

Три года назад я пропала из мира, едва успев окончить школу. Выпускной класс запомнился мне страшилками учителей о том, как тяжело сдать ЕГЭ, и периодическими препинаниями с мамой на тему выбора профессии. Мама верила, что любого человека может прокормить бухгалтерия. Я считала, что бухгалтер совместим со мной так же, как лохмотья бездомного с фарфоровой вазой.

«Уммм!»

– Ну что опять?

Уже двадцать минут я пыталась открыть файл с ЕГЭ по истории за прошлый год. Не знаю, в каком году появились компьютеры, но тот, что стоял передо мной, явно относился к первой сотне. Стационарный блок занимал почти все место под столом. Монитор напоминал большую белую коробку и постоянно мигал.

Можно, конечно, просто вообразить себе школьный аттестат и результаты экзаменов...

– Наум?

Я закрыла программу и прислушалась. На кухне было подозрительно тихо. Никто не драл остатки обоев, не мял лапой случайно упавший пакетик и не разбрасывал по полу наполнитель из лотка. А если он умер? Лежит там в луже... Пытаясь избавиться от навязчивой картинки, я перевела взгляд на монитор. На заставке девушки с обручами на головах, взявшись за руки, водили хоровод.

– Наум!

Я поднялась, чувствуя все затекшие мышцы разом, и пошла на кухню. Коридор освещала единственная тусклая лампочка, но я уже настолько привыкла, что могла ориентироваться на ощупь.

Кухня была крошечная, с выдавшим виды линолеумом, явно самодельным столом на одного и кушеткой вместо стульев. Кот сидел на столе и смотрел на меня желтыми глазами. Пол перед ним устлала исписанные листы, сплошь помятые и изодранные.

Вот нахал.

– Хочешь остаться без ужина? – Я начала собирать листы, на автомате отмечая, что тексты о Косте остались целыми.

Кот моргнул. Я одернула домашнее платье – одно из нескольких, что нашлись в шкафу бывшей хозяйки квартиры, – и демонстративно повернулась к нему спиной.

Единственная чистая чашка стояла у плиты, остальные выстроились в ряд у мойки. Хозяйка из меня еще та, конечно. Я включила электрический чайник с жирными отметинами чьих-то пальцев и вдруг ощутила навалившуюся усталость.

Уже месяц я пыталась заглушить воспоминания трехлетней давности и научиться жить в новой реальности. Посоветоваться было не с кем. Звонить подругам со словами «Знаешь, последние три года меня не было в мире» – идея так себе. Да и не было у меня таких подруг.

Чайник вскипел, я залила пакетик и поставила исходящую паром чашку на пятачок свободного от листов стола. Допустим, сдам я ЕГЭ. Два обязательных, русский и математика, плюс один по выбору. Даже проверну аферу с фальшивым аттестатом. Поступлю в институт. Найду подработку. Буду, как все, проводить часть жизни в дороге, часть – на работе и учебе, а в редких перерывах вспоминать, что существует другая реальность – ярче, красочнее, объемнее. Стоит только представить ее себе... и заплатить за это очередным кусочком души.

Я сделала глоток. Чай горчил. На кухне становилось жарко – сквозь приоткрытое окно просачивался нагретый солнцем воздух. Наум спрыгнул со стола, задрал облезлый рыжий хвост и растянулся на пороге. Я со вздохом подобрала последние раскиданные им листы, выхватив из строчек несколько слов – *Костя, удар, лезвие*. Сердце забилося, как у хомячка в клетке.

Никто больше не погибнет по моей вине.

– Умм!

– Ты голодный, что ли?

Я проверила его миску – на доньшке лежала пара крошек сухого корма. Тут я вспомнила, что сама с утра ничего не ела, и в животе заурчало. Варить макароны или рис не хотелось – наелась за последний месяц.

Я вернулась к компьютеру и по памяти вбила в поисковик название любимой пиццерии. Страница грузилась бесконечно. Вот бы забрать ноутбук у мамы... Но как заявиться к ней после трех лет, я не представляла. Наверняка числюсь пропавшей без вести или что-то вроде того.

Страница загрузилась, и на экране замелькали аппетитные картинки.

«Умм!»

– Я поделюсь с тобой, ненасытное животное, только замолчи!

«Умм!»

– Ну что такое?

В дверь позвонили – высоко и противно вскрикнула писклявая «птичка». В груди мазнуло дурным предчувствием, но я затолкала его подальше. Это же реальность. Здесь чудовища не прячутся на лестничной клетке.

Я тихо подошла к двери и, приподнявшись на цыпочки, заглянула в глазок. В коридоре стоял высокий и ужасно худой мужчина. Издалека его можно было бы принять за узника концлагеря. Лестер был не похож сам на себя: некогда роскошную шевелюру сменили редкие седые волосы, у глаз залегли глубокие морщины, а помятый льняной костюм, больше похожий на пижаму, балахоном висел на тощем теле. Но это был он.

Секунду помедлив, я открыла.

– Что ты тут делаешь?

– И тебе привет, Вера. – Лестер погладил воздух у моего лица.

Ногти у него были узкие, пальцы походили на птичьи когти. Взгляд не отрывался от точки где-то посередине моего лба. Я вспомнила: в своей реальной ипостаси Лестер был слеп.

За спиной снова мякнул Наум, вальяжно приблизился к Лестеру и понюхал носки его остроконечных туфель. Интересно, поймет ли животное, что Лестера... как бы это сказать... не существует.

– Откуда ты? – спросила я.

Он пожал угловатыми плечами.

– Оттуда же, откуда и ты. – Голос его был немного сиплый, с вкрадчивыми нотками.

Я отступила вглубь квартиры. Пригласить его? Вряд ли он просто испарится, раз пришел. Лестер никогда не появлялся просто так и никогда не приносил хороших вестей.

Тут дверь квартиры напротив распахнулась, и в коридор вылетела растрепанная конопатая девочка.

– Саня не пойдет гулять! – завопила она. – Он не съел кашу! Я сама видела. Ой!.. – Она с разбега врезалась в Лестера. Я уловила знакомое выражение на его лице – смесь надменности и отвращения.

За девочкой появился такой же растрепанный мальчик. Кроме памперсов и домашних тапочек на нем ничего не было.

– Вс'о она в'от! – пискнул он. – Ой, киса!

Наум, предупредительно мявкнув, юркнул в комнату. Мне захотелось последовать его примеру.

– А вы здесь жив'оте, да? – Ребенок обошел Лестера и просунул голову в коридор. – А киса выйдет?

Мальчик потерся об косяк нечесаной шевелюрой, и памперс с едким запахом почти коснулся моей ноги. Девочка отпихнула брата и попыталась сама заглянуть в коридор.

– Эй, ты че пи'аешься?

– Я старше!

– А я си'нее!

– А я все маме расскажу!

По сравнению с этими детьми Наум был сущим ангелом.

– Дети! – начала я. Кажется, никто так не обращается к детям, кроме учителей из старых советских книг, которые я читала в детстве. – Киса уже старенькая, она не хочет...

– Кис-кис-кис! – засюсюкала девочка и протянула собранные в горсть пальцы.

Да господи, это же не утка. Я заслонила ей проход.

– Киса устала и хочет спать.

– Хочу кису! – Мальчик несильно стукнул по наличнику и выставил ножку на порог.

Я с надеждой взглянула на дверь напротив, обитую дерматином. Вдруг мама все-таки позовет их? Или няня. Или бабушка. Но тишину коридора нарушало только упрямое «кис-кис-кис». Лестер застыл, как мумия, а Наум наверняка уже прорыл ход в Нарнию. Похоже, помощи ждать было неоткуда.

Я обещала себе этого не делать. Сегодня утром обещала. Не воображать деньги на раскрытой ладони. Не придумывать липовый аттестат. Не верить, что парень со старой фотографии ожил. После той истории три года назад у меня осталась только половина души, и это ощущалось так, будто в груди зияла дыра размером с елочный шар.

Ненавижу детей.

Я глубоко вздохнула и перевела взгляд в черноту уходящего вдаль коридора. В тот же момент с лестницы потянуло холодом. Повинуясь моей воле, по краю выцветшей дорожки поползли белесые щупальца, похожие на ядовитый плющ. Вот они слепо ткнулись в стоптанные домашние тапочки, вот обвилились вокруг пухлых ножек, покрытых ссадинами от постоянных падений...

Лестер беззвучно захихикал, и я отвлеклась. Видение растаяло, оставив одной мне слышимый хруст в ушах и ощущение отколовшегося осколка в груди.

- Я смотрю, ничего не меняется, а, моя радость? – Он расплылся в довольной улыбке.
- Не называй меня так.
- Я уж и забыл, какая ты кровожадная.
- А можно... – заныл мальчик, пытаясь протиснуться в коридор.
- Нет.

Я схватила Лестера за локоть и потянула за собой в квартиру. Дети сунулись было следом, но я быстро захлопнула дверь. Из коридора послышался рев.

– Вижу, Эдгар научил тебя только хорошему, – как можно более благожелательно заметил Лестер.

Я одернула домашнее платье.

– Я сама его всему научила. Располагайся.

* * *

Вера, 11 лет

Стоило мне научиться писать, как я начала выводить в тетрадях, что живу в сказочном замке, а вокруг парят гигантские драконы. Или что мимо моего окна только что пролетел волшебник в прозрачной синей мантии и помахал мне рукой. Иногда я воображала, что кто-то с тихим голосом и улыбкой, которую не видно из-за темноты, сидит у моей постели и долго и вдумчиво со мной беседует.

Лучше всего придумывалось на кладбищах. Когда родители начали отпускать меня одну, первым делом я отправилась именно туда. Мне нравилось гулять вдоль могил, читать имена, фамилии, мемориальные надписи. Нравилось представлять себе, кем был человек, от которого остались только имя да даты на надгробном памятнике. Чем он жил, на что надеялся, кем приходились ему те, кто оставили надпись? Где они сейчас? Может, и сами тлеют в земле?

У меня не было тяжелого детства, жестоких родителей и моральных травм. Меня никто не обижал, моя жизнь не делилась на до и после. Я просто слишком много чувствовала – от себя, от других людей, от реальности, что царапала душу, как наждачка. Подушкой между реальностью и собой я научилась использовать собственные фантазии. Поначалу, чтобы вообразить что-то, мне нужно было описать это, вывести ручкой на бумаге. Потом я научилась обходиться одним воображением. Хотя и оно имело свою цену.

Мне было одиннадцать, когда я поняла, что могу оживить придуманное не только для себя, но и для других. В кинотеатре тогда крутили «Звонок». Классная решила, что фильм вполне молодежный, и организовала нам совместный поход. Страшно не было: весь фильм параллельно с криками героев в зале слышались хруст попкорна и нервные смешки. После киносеанса мы вместе с подругами отправились к водохранилищу неподалеку. Дело было летом, мы валялись на траве у самой воды и поглощали мороженое, пытаясь успеть съесть его раньше, чем оно потечет по запястьям. Я смотрела на зеленоватую гладь и лениво размышляла – что, если оттуда прямо сейчас покажется мертвенно-белая рука с облезлыми ногтями?

В это мгновение что-то внутри меня словно хрустнуло. Как будто от песочного печенья отломился крошечный, едва заметный кусочек. Я не успела подумать, что это – над водой медленно появилась черноволосая голова. Покатый лоб белел на фоне мутной жижи, брови угрожающе хмурились, а худые пальцы тянулись ко мне. Кто-то закричал: «Беги!», но я не могла двинуться с места.

Тогда и появился Лестер. Он вальяжно шагал по траве, шаркая золочеными туфлями на каблучках и поигрывая тростью с сапфировым набалдашником. Серебристый камзол блестел

на солнце, за плечами развевалась копна белоснежных волос. Он остановился у кромки воды, снисходительно посмотрел на утопленницу и тростью отпихнул тянущуюся к нему руку.

– Какая гадость!

– Что мне делать? – пропихнула я.

– Откуда я знаю, что тебе делать. Сама придумала, сама разбирайся, – высокомерно ответил он, скривив тонкие губы.

– Но я не знаю как!

Лестер откинул назад свои роскошные волосы и с изяществом, которому позавидовала бы голливудская звезда, пожал плечами. Утопленница снова потянулась к нему, норовя ухватить за щиколотку.

– Фу! – брезгливо шикнул он, как шикают на назойливую собаку.

Лестер отошел на достаточное расстояние и замер. Я оглянулась на девочек и с удивлением обнаружила, что те застыли – кажется, даже перестали дышать. Словно кто-то поставил мир на паузу.

– Смотри на воду, Вера, – со вздохом подсказал Лестер. – Она должна вновь стать прозрачной. Просто представь это.

Когда мне удалось поверить, что никакой утопленницы в воде нет, что-то снова хрустнуло в груди. Еще один крошечный кусочек откололся от печени.

Лишь несколько лет спустя я поняла, что печеньем была моя душа.

Окно за моей спиной было распахнуто настежь, пахло надвигающейся грозой. Дождь должен был пойти совсем скоро. Я усадила Лестера на кушетку, села на единственный на кухне стул и приготовилась слушать.

Он неуверенно пошарил пальцами по столешнице, наткнулся на мою чашку, сделал большой глоток и тут же зашелся кашлем.

– Кипяток, – сообщила я без тени сочувствия.

Отгородившись стопкой исписанных листов, я украдкой за ним наблюдала. Лестер и вправду напоминал недавно освободившегося узника концлагеря. А может, я просто перечитала книг, которые нашлись в этой богом забытой квартирке, – сплошь воспоминания фронтовиков и блокадников. Но Лестера и правда непривычно было видеть таким немощным. Я бы спросила, что такого произошло за три года и почему он из сияющего принца превратился в оборванца, но опыт подсказывал: чем больше расспрашиваешь, тем больше таинственности он напустит. Лучше подождать, пока сам расскажет.

– Я слышу твои мысли, – прошелестел Лестер.

– Так ты теперь не волшебник, а телепат?

– Нет, конечно! Но это несложно. Воздух перед тобой вибрирует. Страх? Вряд ли ты меня боишься. Недовольство? Грусть? Ах, моя радость, я нравился тебе больше, пока был ненастоящим? – Он в притворном огорчении склонил голову набок. – Но что мы все обо мне. Ты вернулась в реальность, да? Сколько уже? Неделю назад? Две?

– Месяц.

– Ого! – Он задумчиво цокнул языком. – Как это я пропустил... Но вообще-то – и правильно. Все лучше, чем парить в невесомости. Там ведь все такое пресное... Интересно, какой ты стала? Слышу, что голос окреп. А сама? Такая же русоволосая красавица?

В голосе его сквозила насмешка, но до того тонкая, что кто другой вряд ли распознал бы ее. Я невольно провела рукой по волосам – они уже так отросли, что легко заплетались в косу. Про красавицу я ничего не знала. Единственное в квартире зеркало висело в темной ванной с мигающей лампочкой, и я не то что лицо, а даже собственные ноги едва различала, когда мылась. Но Лестеру об этом знать было необязательно.

– Чего ты хочешь? – спросила я.

– А ты? – Лестер снова поднес чашку к губам. – Почему ты вернулась?

Я посмотрела прямо в белесые глаза. Знает ли он, что Костя погиб? И что я, собрав остаток сил, выдернула себя и Эдгара из реальности, когда это произошло?

– Захотела, – коротко бросила я.

Лестер наклонился вперед. Чудом не расплескав остатки чая, втянул тонкими ноздрями воздух.

– Грусть. Старая... Почти не болит. Ты жалеешь? – Он потрогал воздух передо мной кончиками пальцев. – Ай-яй. Я же говорил, не принимай поспешных решений. А еще лучше – не оживляй того, чему жить не следует. Говорил? Говорил! Три года жизни! И кому ты сделала лучше? Косте? Мертвые, знаешь ли, непритязательны. Он никогда не узнает, что ты утащила за собой его убийцу.

Я не ответила. Мне до сих пор часто снится тот момент. Как Эдгар, оживленный силой моей души, прижимает Костю к полу одной рукой, а другой достает из-за пояса нож. Дальше – странный хлопок, будто лопнула тугая нить, мой крик и струной натянутая тишина.

Сейчас я поступила бы иначе. Ударила бы Эдгара по голове чем-нибудь тяжелым и вызвала «скорую» – вдруг Костю еще можно было бы спасти? Но тогда я почему-то решила, что все кончено. А мне положено вычеркнуть себя и Эдгара из мира. Поверить, что нас обоих никогда не существовало.

Если половина души у меня ушла на Эдгара, то вторая половина или около того – на эту последнюю попытку все исправить. Что-то вроде самоубийства для семнадцатилетних дурочек, перечитавших сестер Бронте.

Я забрала чашку из слабых пальцев Лестера.

– Ни о чем я не жалею. И хватит... – договорить я не успела.

Предгрозовую тишину снова прервала визгливая трель. На дверной звонок было похоже: тот напоминал птичку, а это была целая раненая антилопа. И ревела она из самого дальнего угла кухни.

– Я думал, когда звонит телефон, на него отвечают, – деликатно заметил Лестер.

– Я даже не знаю, где он.

– Звук идет оттуда. – Лестер указал длинным костлявым пальцем в сторону кухонного шкафа. – Что там?

– Шкаф. Телефон не может быть в шкафу.

– А слепой не может ошибаться.

Трель разрывалась у меня в голове, где-то между лбом и макушкой. Проигнорировав мысль о том, что ни один человек в здравом уме не поставит телефон в шкаф, я поднялась и стала яростно рыться в его недрах. Сахарница с ржавыми монетами, макароны, соль, лунный календарь – не иначе старушка, жившая тут до меня, приходилась Плюшкину дальней родственницей. Наконец у дальней стены обнаружился красный аппарат с поломанным диском. Я схватила трубку, чтобы сбросить звонок, но Лестер тихо велел:

– Ответь.

– Мне не с кем здесь разговаривать.

Трубка тут же отозвалась маминым голосом:

– Как это не с кем, Верочка? А как же я?

– Мама?

Я уселась прямо на дно шкафа, заваленное газетами и журналами разных годов.

– Конечно! Ну, рассказывай. Я тебя сто лет не слышала. Как там на стажировке?

– Что?..

– Как будто нечего матери рассказать! Месяцами не звонишь, совсем забыла меня в своей Америке.

Стажировка? Америка? Я выглянула из шкафа. Лестер загадочно улыбался бескровными губами. Волшебник хренов. Кто его просил?

– Вера?

– Да, мам.

– Ты когда вернешься? Я как будто начала забывать твой голос...

Я вздохнула. С какого места ей рассказывать правду?

– А я что-то совсем замоталась. То одно, то другое. На работе у нас такое творится! Одни сокращения. Людей выживают с рабочих мест. Я двадцать лет работаю и ни разу такого не видела! Так когда ты вернешься?

Из-за распахнутой дверцы шкафа медленно вышел Наум, с трудом переставляя лапы. Может, отвезти его к маме? Там о нем точно позаботятся лучше, чем здесь...

– Вера!

– Да, мам. Скоро. Я скоро вернусь. Пока.

Я повесила трубку и накинулась на Лестера:

– Что ты напел моей маме? – Я хотела встать, но стукнулась об полку над головой. – Какая еще стажировка в Америке?!

Лестер поправил на коленях свой пижамный костюм и спокойно посмотрел на меня своими слепыми глазами.

– А что я должен был ей сказать? Что ее дочь выдумала себе возлюбленного, оживила его и исчезла, соединившись с ним на веки вечные? А нет, подожди. Что он убил человека, а потом она это сделала?

– Зачем ты вообще полез к маме?!

Клянусь, не будь он таким беспомощным, я бы ему врезала.

Лестер неторопливо поднялся и с изяществом оскорбленной фрейлины отвернулся к распахнутому окну. Небо набухло грозowymi тучами, и на кухне окончательно потемнело.

– В нашу последнюю встречу, если помнишь, – он сделал многозначительную паузу, как будто давал мне время раскаяться, – ты сама просила меня позаботиться о тех, кто тебе дорог. Я наивно полагал, что мама принадлежит к их числу.

Обвинения застряли в горле. Он заботился о маме все это время? Может, он знает, где похоронили Костю? Я уже открыла рот, но Лестер вдруг спросил:

– Так где был телефон?

– Что?

– Телефон. Ты искала его в шкафу.

Я поняла, что все еще сижу на нижней полке.

– Там и был.

– А-а, – протянул он. – Забавная старушка.

– Какая?

– Старенькая такая. Седая. Которая здесь жила.

Не успел он произнести последнее слово, как квартиру сотряс гром такой оглушительной силы, что у меня заложило уши. Небо разломили косые линии. Несколько мгновений я не видела ничего, кроме ослепительно-белого света. Из раскрытого окна подул влажный ветер, неся первые брызги. Вскоре дождь полил стеной. Мое мокрое от пота платье за секунду стало отвратительно холодным.

– Я чувствую запах старой женщины. Это все ее вещи? – спросил Лестер.

– Вот ты нашел время!

Я хотела подняться и закрыть окно, но Наум вцепился мне в ногу когтями.

– Твою ж!.. Наум!

Новый раскат грома сотряс кухню. В метре от меня с жалобным треском рухнули кастрюли, в ряд висевшие над плитой. От ветра захлопали дверцы шкафчиков. Я сама не заметила, как вцепилась одной рукой в другую. На коже стал явственно ощущаться чей-то взгляд.

– Если это твои шутки, лучше прекрати! – бросила я Лестеру, перекрикивая ветер.

Но он даже не обернулся – все вглядывался со своей кушетки в бушующее небо.

– Подведи меня к окну.

Дверца шкафа, в котором я сидела, едва не хлопнула меня по лицу. Я отцепила от себя испуганного кота, поднялась и взяла Лестера за узкую ладонь, увлекая за собой.

Хотела закрыть окно, но Лестер меня остановил:

– Оставь так.

– Нас зальет.

– Оставь.

Он подошел вплотную к разбухшей от влажности раме и прислушался, подставив лицо косым струям. Я ждала рядом, сама не зная чего. Квартира вдруг показалась мне враждебной. Неизвестный взгляд давил в спину, что-то хлопало и бесновалось на кухне, а я лишь крутила на пальце оловянное кольцо, прощальный подарок Эдгара, и повторяла себе: после всего, сотворенного мною, ни одна старушка мне не страшна. Даже мертвая.

– Я чувствую борьбу, – наконец сказал Лестер. Лицо, волосы, рубашка его были мокрые, но он как будто не замечал этого.

Я глубоко вздохнула.

– Знаешь, когда шутишь, ты нравишься мне больше.

– Я никогда не шучу, моя радость.

– Перестань меня так называть!

– Как скажешь.

Я помолчала.

– Давай просто закроем окно.

– Там не закончили.

– Это не повод торчать под дождем.

Он не ответил. Я заставила себя выпустить кольцо и захлопнула окно, чуть не заехав Лестеру по лицу. Хватит. Нет тут никакой старушки. Мертвые лежат в земле и не могут причинить зла живым. А слепые не видят того, что происходит за окном.

Я вгляделась в темноту кухни. Ничего, кроме очертаний дверей и шкафчиков.

– Тут никого нет, – вслух произнесла я.

Лестер повернул ко мне голову. Сверкнувшая в этот момент молния озарила его лицо – белое, как у мертвеца.

– Что-то не сильно ты боишься.

Я снова покрутила кольцо.

– Нам с тобой под силу выдумать чудовище под кроватью и оживить его. Разве это не нас следует бояться?

– Только ты в отличие от меня, если сделаешь это, навеки распрощаешься с остатками своей души, – назидательно уточнил Лестер с видом профессора, словно не был залит водой с головы до пят. – Как там твое чудовище, кстати? Что ж ты его, беднягу, одного оставила в небытии, а сама вернулась?

Да он издевается!

– Как будто ты не знаешь! – вскипела я.

– Не ведаю.

– Брось, Лестер. Я здесь. – Я подалась вперед и чуть не наступила ему на ногу. – А его нет. Совсем нет. Понимаешь?

Лестер криво усмехнулся краешком тонких губ. Помедлил, перебирая в воздухе пальцами, словно перелистывал книгу.

– Может... Может, просто хочу это услышать из твоих уст.

Даже слепой и беспомощный, он был настоящей чертовой прорицательницей. И знал меня лучше меня самой.

Хотя он был выше, я смогла заглянуть в его слепые глаза.

– Я его убила.

Новый раскат грома сотряс кухню.

Глава 2

После ливня квартиру поглотила тишина. Наум задремал под столом, Лестер так и сидел на кушетке. Уходить он явно не собирался. Я наглухо закрыла окно, вытерла натекшие лужицы, включила свет и, прикинув, что на одном чае до конца дня не продержусь, все-таки пошла заказывать пиццу.

Пока ехал курьер, Лестер закидывал меня вопросами, ответы на которые наверняка давно прекрасно знал.

– И ты пошла туда одна-одинешенька? Ночью? В этот ужасный старый дом из гнилых досок? – в притворном ужасе спрашивал он, длинным пальцем щекоча Науму розовое пузо с облезшей шерстью. Каждый раз кот пытался схватить его за палец, и каждый раз слепой умудрялся вовремя отдернуть руку.

Я домыла последнюю тарелку и выключила воду. Теперь хоть будет из чего есть пиццу, а то все стояли грязные.

– С Костей.

– Ах, с Костей!.. – многозначительно повторил Лестер, и мне послышался упрек в его голосе. Или это все еще была издевка? – Бедный мальчик! А напони-ка мне, сколько вы были знакомы? Месяц?

Насколько я знаю Лестера, ему плевать на людей. Слишком давно он живет на свете. А меня выделяет только потому, что я на него похожа. Значит, тут что-то другое.

– Два месяца. – Я принялась вытирать тарелки.

Обсуждать события той ночи мне хотелось меньше всего. Я столько раз описывала их на тех серых ломких листах, которые раскидал Наум, что еще один просто сведет меня с ума. Может, предложить Лестеру прочесть их самому?

Только ему придется перестать прикидываться слепым.

– А что теперь?

– В смысле?

– Ну, что ты теперь будешь делать? – как ни в чем ни бывало поинтересовался Лестер.

Я пожала плечами. Не обсуждать же с ним свои планы на поступление.

– Могу тебе сказать, чего я делать точно не буду... – решительно начала я, но тут в дверь снова позвонили.

Лестер напрягся.

– Это кто?

Я посмотрела на часы.

– Доставка, наверное. А что?

Он откинулся на кушетке и закинул ногу на ногу, напомнив себя прежнего: вальяжного аристократа, прекрасно знающего, как повернуться и встать так, чтобы выглядеть неотразимо.

– Ничего. Совершенно ничего.

Я смерила его взглядом и достала из сахарницы свернутую пятисотрублевую купюру. В дверь снова позвонили.

Убедившись, что это и правда курьер, я открыла. Парень в оранжевой футболке и такой же кепке, низко надвинутой на глаза, протянул мне исходящую паром картонную коробку. Но стоило мне принять ее, как он скрылся в лифте.

– Эм... Молодой человек?

Но он уже исчез. Я постояла на пороге с полминуты, пытаюсь вспомнить хоть один раз, когда доставщик забывал об оплате. Это же ненормально? Может, он решил, что я оплатила заранее? Надо уже сделать себе кредитку... Я закрыла дверь и вернулась на кухню.

Наверное, слишком много заказов. С кем не бывает.

Лестер хищно принюхался. Наум сидел на столе у него перед носом и так и норовил заехать нетерпеливо виляющим рыжим хвостом по лицу.

– Слушай, Лестер, – начала я, положив коробку на плиту, подальше от вечно голодного кота.

– Слушаю, моя радость.

– Ты чего-то недоговариваешь.

– Ты тоже. Ты вот хотела сказать, чего точно не будешь делать. Только сначала... Ах, *per favore*¹.

Я поставила перед ним тарелку с треугольником горячей «Маргариты» и положила его пальцы на край тарелки. Наум тут же сунул нос ему под руку.

– Какая настырная кошечка! – с умилением протянул Лестер.

– Это мальчик!

Я тоже взяла себе кусок и прислонилась бедром к тумбочке.

– Так что ты будешь делать? – повторил Лестер.

Кто еще тут настырный.

– Я точно знаю, чего делать не буду. Не буду оживлять фантазии. И влипать в волшебные истории. Хватит.

Лестер прыснул в тарелку.

– А чем ты только что расплатилась за пиццу, позволь узнать?

Наум уже было совсем близко подобрался к тарелке, но Лестер, безошибочно прицелившись, щелкнул его по носу. Кот выгнул спину и зашипел.

– Эй! – Я подхватила Наума под брюхо. Тот полоснул меня длинным скрюченным когтем и ощерился. – Вот ты! Я же спасла тебя от двух ужасных детей!

Кот, явно не оценив моего великодушия, начал вырываться – пришлось поставить его на пол.

– Если хочешь знать, я вообще не заплатила, – закончила я.

Лестер блаженно улыбнулся.

– Ты не сможешь, – сладко протянул он и погрузился зубами в пиццу. – Ммм, Мадонна! Это божественно! Ты не сможешь жить без этого.

– Еще как смогу.

Лестер молча жевал. Наум принялся наворачивать круги вокруг кушетки. Я сжалилась и положила в его миску кусочек.

– И кем же ты хочешь стать, когда вырастешь? – осведомился Лестер с полным ртом. – Надо думать, писателем? Я периодически слышу тут шорох бумаги.

– Вот уж нет. Лучше мне больше ничего не писать. Одно дело – воспоминания. Другое – придумывать с нуля. С Эдгаром все начиналось именно так.

– Ты разве его описывала? Я думал, только придумала...

– И придумала, и описала, и фотографию подходящую нашла. Все в лучших традициях «Чернильного сердца».

Лестер задумчиво склонил голову. Вряд ли он знал, что такое «Чернильное сердце» – я никогда не видела, чтобы он читал книги или смотрел фильмы. Но ему это было и не нужно.

Лестер облизал пальцы и начал загибать их по одному.

– То есть никакого волшебства – это раз. Отказаться от мечты детства – два. Bravo, моя радость. Не замечал у тебя раньше мазохистских наклонностей.

Я хотела сказать, что он много чего не замечал, но прикусила язык. Спорить с Лестером можно добрые сутки напролет и так никуда и не продвинуться. Лучше просто дождаться, пока он уйдет.

¹ Пожалуйста (*итал.*).

– Очень вкусно. – Справившись с пищей, Лестер вытер об себя руки. – Кстати, ты не против, если я останусь? Так сказать, в знак благодарности.

– За что? – опешила я.

Наум запрыгнул на кушетку и устроился в противоположном от Лестера углу.

– Скажем, за то, что ты появилась в реальности, оглянувшись по сторонам и тут же увидела на дереве объявление о сдаче квартиры со всем необходимым. И что у тебя не попросили документы и залог при въезде, а обязали только заботиться о бедном маленьком котике, – хитро ответил он. – И все это за счет ма-а-аленького волшебства, которое ты, конечно же, больше не собираешься впускать в свою жизнь.

Пару секунд я смотрела на него, сопоставляя факты. Доска с объявлениями прямо посреди парка. Пара бумажек с написанными от руки «пропал кот» и одна – «сдаю квартиру срочно». Отсутствие других претендентов. Ключи, которые хозяин буквально впихнул мне.

Я устало плюхнула перед Лестером коробку с остатками пиццы.

– Оставайся.

* * *

До вечера Лестер вел себя подозрительно тихо, а когда я отправилась спать, устроился на жесткой кушетке, уверив меня, что ему там очень удобно.

Я лежала под тонким пледом, который больше кололся, чем грел, спиной ощущая все реечные балки кровати через матрас. Присутствие Лестера не давало покоя. Он, хоть и привык появляться без приглашения, никогда не оставался надолго. Значит, он чего-то ждал.

Я разглядывала комнату в поисках лишней тени и сама не заметила, как провалилась в странное состояние между сном и настороженной дремой.

После дождя на улице заметно похолодало; снизилась и температура в квартире. Во сне я съезжилась под жестким одеялом, пытаюсь хоть как-то согреться. А потом вдруг резко открыла глаза. Мне на ногу что-то капало. Глаза никак не могли привыкнуть к темноте, слабо разбавленной лунным светом, а когда привыкли, я закричала.

В изножье кровати стояла старуха в белой ночной рубашке. По обе стороны от ее лица свисали седые патлы, вместо глаз зияли провалы. Это ее кровь капала мне на ногу.

Я попыталась позвать Лестера, но вместо голоса из горла вырвался хрип. Хотела сесть в кровати, но не смогла пошевелиться. Я перестала чувствовать тело, будто все ощущения сосредоточились там, куда капала кровь старухи. Я снова набрала в легкие воздуха, чтобы крикнуть, но она меня опередила:

– Помоги. Мне.

Не знаю, сколько длилось мое оцепенение. Руки и ноги закололо, словно в них разом воткнули сотни раскаленных игл. Еще одно невероятное усилие – и я с утробным звуком скадилась с кровати. Страх выжег все внутри, оставив отчаянную мысль-желание: жить.

– Помоги, – настойчиво повторила старуха, уставившись пустыми глазницами в точку на стене. – Ты нужна мне.

Путь к двери был закрыт. Окна слишком высоко, туда не сунуться. Где же Лестер? А Наум? Будто в ответ из угла раздалось сдавленное шипение. В темноте я различила выгнутую спину. Только не бросайся на нее, глупый кот! Я отползла к нему, путаясь ногами в одеяле, и протянула руку. Наум полоснул мне когтями по тыльной стороне ладони и отпрыгнул.

Как же холодно! По ощущениям в комнате стояла минусовая температура. Из рта у меня вырывался пар. Холод пробирал до самого мозга.

– Вера? Что происходит? Говори со мной, – раздался издали голос Лестера.

Я осторожно выглянула из-за неподвижной фигуры в белом – он шел по темному коридору, выставив руки и ощупывая воздух перед собой.

– Я чувствую запах крови. Ты в порядке? – спросил он.

Старуха медленно повернула голову. Он переступил порог комнаты и остановился. Два слепца застыли на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

– От тебя пахнет кровью, – уронил Лестер в пустоту. – И страданием.

На секунду мне показалось, что он знает, кто перед ним.

– Меня почти убили, – прохрипела старуха в ответ. – Мне нужен преемник.

– Так это правда! – ошарашенно выдал Лестер. – Если ты та, о ком я думаю...

Старуха выпрямила свое сухое тело. Я заметила, что она была босая, а на тонких запястьях отпечатались следы от веревок.

– Когда-то меня звали Хельгой.

– Мое почтение, Хельга. – Лестер слегка склонил голову, хотя она не могла этого увидеть. – Она тебя не заменит.

– Она сильная.

– Но не такая, как ты думаешь.

Мимолетная усмешка пробежала по омертвелым губам. Старуха покачнулась и вдруг выбросила вперед окровавленную руку с цепкими пальцами.

– А кто. Ты? – прошипела она.

– Я из другого мира, – сдавленно произнес Лестер. По голосу я поняла, что ему больно.

– Лестер! – Я хотела броситься к нему, но тело онемело и не слушалось.

Старуха почти уперлась лбом в его лоб.

– Она сияла, – прошептала она. – Все время, что он пытал меня. Он убивал меня, а я шарил по миру...

– Я же сказал: она не то, что ты думаешь.

Старуха разразилась гадким хохотом. Этот звук обрушился на меня, как старая полка – раскололся гнилыми досками, оставив щепки в волосах. Она хохотала и вкручивала руку в грудь Лестера, как вилку, а он даже не сопротивлялся ей.

– Вера, беги! – прохрипел он.

Наум жалобно мяукнул где-то в темноте. Бежать. Надо бежать, а я не могла даже пошевелиться. Руки и ноги заоченели окончательно, меня стало клонить в сон. Не спать, не спать!

Оставался один путь спасения – вернуться в небытие. Я зажмурилась. Это может стоить мне остатков души. После того, что я сделала с Эдгаром, каждая фантазия могла стать последней. Но даже вечность в небытие лучше того, что произойдет прямо...

– А ну стой! – в локоть мне впились ледяные пальцы.

Руку словно замуровали в лед. Я распахнула глаза. Ощущение невесомости, которое я пыталась вспомнить, вмиг исчезло. Остались только глазницы с потеками черной крови напротив моих глаз и потрескавшиеся губы. Господи, боже. Лицо Эдгара за мгновение до того, как он воткнул нож в горло Кости, по сравнению с этим просто маска Микки-Мауса.

Пожалуйста. Я не хочу.

Ответом мне были холодные и влажные от крови объятия. Старуха обернула меня собой, а я только и могла, что повторять безголосыми губами «Не хочу, не хочу». Все закончилось так же быстро, как началось, – она прижала свои потрескавшиеся губы к моим и выдохнула, в мгновение отяжелев и свалившись грудой истерзанной плоти у моих ног.

Рядом слышалось булькающее дыхание Лестера. Он лежал на полу, прислонившись головой к кровати и зажимая рану в груди.

– Прости, Вера, – пробормотал он и потерял сознание.

* * *

Не знаю, сколько времени прошло. Лестер лежал в своей крови, я – в крови незваной старухи, тщетно пытаюсь собрать мысли и остатки самообладания. В голове отдавались мои собственные слова. Я не хочу. Не хочу. Пожалуйста. Холод постепенно рассеивался, в комнате светлело. К рукам и ногам прилила кровь. Одновременно адреналин начал выветриваться, оставляя меня едва ли более живой, чем кто-либо в этой комнате.

«Она тебя не заменит». Что он имел в виду? Кто она вообще такая? Почему Лестер позволил себя ранить? Разве он не мог просто испариться из комнаты?

Я с трудом заставила себя отвести взгляд с точки на дальней стене. Через десять вдохов и выдохов согнула пальцы сначала правой руки, потом левой. Ощущение было такое, будто тысячи игл воткнулись под кожу.

Это пройдет. Сейчас надо выбираться отсюда.

Я выползла из-под мертвого тела и огляделась. То, что совсем недавно было грозной старухой, теперь неуклюжей грудой лежало на полу у моих ног. Наума нигде не было видно. Лестер лежал на спине. Глаза его были закрыты, ладонь безвольно покоилась на груди, сквозь рубашку просачивалась кровь. Я взглядела в отрешенное лицо – веки с голубоватыми прожилками подрагивали, от линии губ осталась одна ниточка. Грудь вздымалась едва-едва.

Волшебник хренов. Он знал, что за мной придут.

Представить, что он не ранен, точно будет стоять мне остатков души. Я сжала ладонями виски, пытаюсь собраться с мыслями. Что делают люди в таких ситуациях? Звонят в «скорую»? В полицию? Или в ближайшую больницу?

Кажется, телефон так и остался в шкафу. Я с трудом поднялась и побрела к полоске света в конце узкого коридора. Каждый шаг отзывался острой болью в ступнях.

По кухне уже разливалось белесое марево рассвета. Я открыла шкаф, тяжело оперлась на полку с макаронами и набрала «03». В трубке зазвучали гудки.

– Служба «Скорой помощи», что у вас случилось?

– Ахм... – выдохнула я, с ужасом поняв, что не могу произнести ни звука. Там, где раньше рождались звуки, зияла пустота.

– Алло, говорите. Что у вас случилось?

Я громко задышала в трубку. Может, они решат, что тут человек при смерти? Вроде бы телефоны на станции «Скорой» определяют адрес. Или это только в кино?

– Говорите, вас не слышно!

Я тяжело опустилась на корточки, физически ощущая, как циркулирует кровь в ногах. Пожалуйста. Лестер единственный умеет обращаться фантазии явью. Он такой же, как я. Он единственный помнит, что со мной случилось.

– Вас не слышно, – снова сказал голос.

В трубке послышались гудки. Я вернулась в комнату – мне казалось, что я спешила, но тело двигалось едва-едва. Наум так и не объявился. Я заглянула под кровать, под старое поло-сатое кресло – может, он забился туда и ждет? Но кроме пыли там ничего не было.

Лестер все еще дышал. Поборов брезгливость, я проверила пульс у старухи – мертва. Что бы она со мной ни сотворила, ничего хорошего это не сулило.

Я замерла посреди комнаты. Мысли разбежались. Почему она пришла именно ко мне? Где ко всем чертям Наум – не мог же он исчезнуть? И что мне делать с трупом в квартире?

За окном взывала сирена. Я подскочила – точнее, подумала, что подскочила, а на деле лишь слегка повернула голову. Из окна я видела, как машина с белыми и синими мигалками пыталась приткнуться в углу крошечного дворика.

Это не «скорая». Это полиция.

Думай, Вера. Думай.

У меня в квартире труп и смертельно раненый мужчина. Я только что потеряла голос и не смогу объяснить, откуда они взялись. Отличный повод наконец познакомиться с системой правопорядка родной страны.

Когда водитель припарковался, я уже приняла решение. Оглядела себя – ночнушка пропиталась кровью старухи и моим пбтом. На улицу в таком виде нельзя.

Минута мне понадобилась, чтобы доковылять до ванной и смыть кровь, тридцать секунд, чтобы скинуть ночнушку и запихнуть непослушное тело в джинсы и футболку. Мгновение – застегнуть стоптанные босоножки и бросить взгляд на старинные часы. Пять минут восьмого.

Прости меня, Лестер.

Я выскользнула в коридор, нарочно оставив дверь открытой. Шагать по ступеням было все равно что по гвоздям, я цеплялась за перила, как пьяная. На втором лестничном пролете столкнулась с мужчиной в форме. Он оглядел меня и задал самый бесполезный вопрос из возможных:

– С вами все в порядке?

Рука сама дернулась к горлу. Может, он знает, как помочь с голосом? А вдруг он решит, что я убийца?

– Девушка?

Махнув рукой себе за спину, я скатилась вниз по лестнице.

На улице после грозы было прохладно. Сонный двор спального района казался необитаемым. Поймав на себе вопросительный взгляд водителя газели с выключенными мигалками, я поспешила в сторону автобусной остановки. Пустая дорога, пара машин. Где нахожусь, я представляла смутно, зато хорошо помнила карту городского метро. Уж там я точно сориентируюсь – и наконец доеду до мамы. Надо было раньше к ней съездить...

С рук и ног постепенно спадало онемение, иглы исчезли. Я пристроилась позади женщины в брючном костюме, решив, что та направляется к метро. И правда: за очередным поворотом замаячила красная буква «М».

В подземку я спускалась уже не одна. Людей вокруг заметно прибавилось – видимо, я попала в час пик. Интересно, что сделает Лестер, когда очнется? Как он объяснит, почему в квартире труп? Куда все-таки делся Наум? Не мог он просто исчезнуть. Это же кот, а не спичечный коробок.

Очередной вопрос застал меня у турникетов. Остальные не глядя прикладывали к мигающему датчику карточки, а я застопорилась, силясь вспомнить, где достать такую же. Кажется, в кассе, но без голоса мне в жизни не объяснить, что нужно. Да и последние сто рублей остались в сахарнице.

Под возмущенный окрик контролера я прошмыгнула через турникет, сбежала по ступенькам и запрыгнула в вагон, удивляясь собственной наглости. Прежняя Вера ни за что бы не сориентировалась так быстро.

Впрочем, прежняя Вера не переживала ничего ужаснее ночи в старинной полуразрушенной усадьбе.

* * *

В вагоне я протиснулась к схеме метро. До мамы путь был неблизкий: проехать две остановки, пересесть на другую ветку и пилить до конечной. Внутри вагона было душно, как в банке. Передо мной, кряхтя и пошатываясь, устроилась бабулька в вязаной кофте и домашних тапочках, рядом завтракал мужчина в форме рабочего, разложив бутерброд с вяленой колбасой прямо на коленях. Я отвернулась, изо всех сил борясь с приступом тошноты.

Поезд остановился. Двери разъехались со звуком, похожим на тот, с каким в фильмах перезаряжают автомат. Мужской голос объявил станцию. Ничего, кроме слова «пересадка», я не разобрала. По-моему, выходить мне нужно было только на следующей, но поток людей вынес меня на перрон. Судя по навязчивому запаху, бутерброд вышел следом.

Я пыталась выбиться из потока, но безрезультатно – толпа несла меня и подталкивала, омывая запахами мужского пота и женских духов. Остановиться удалось только у эскалатора. Я прислонилась к стене, с трудом переводя дыхание.

Тут кто-то схватил меня за руку выше локтя, да так крепко, как никогда не схватит незнакомый человек. Бритый мужчина в потертой кожаной куртке возвышался надо мной и внимательно разглядывал, будто сравнивая с кем-то.

– Здесь сейчас произойдет несчастье. Надо уходить, – наконец выдал он, перекрикивая шум поезда.

Я попыталась выдернуть руку, но не тут-то было. Хватка у него была стальная.

– Я друг, – с нажимом произнес он и заглянул мне в глаза.

Радужка у него была такая темная, что у зрачка казалась почти черной. Нос, кажется, когда-то был сломан, на щеках темнела щетина, на подбородке проступало несколько старых шрамов. Доверия это лицо не вызывало.

– Станция заминирована. Через четыре минуты рванет.

Да сегодня, что, объявили марафон: «Кто быстрее прикончит Веру»?

Я беспомощно пялилась на него, пытаюсь понять, может ли это быть розыгрышем. Чьей-то очень плохой шуткой. Лестер вполне мог бы подстроить подобное – раньше он постоянно устраивал забаву из разряда «бег с препятствиями» – забавно было, правда, только ему.

Но Лестера чуть не убили. А этого мужчину я видела впервые в жизни.

Не дождавшись ответа, бритоголовый крепче перехватил меня за предплечье и со словами «Просто иди за мной» потащил к эскалатору. Это было так неожиданно, что я споткнулась – и точно упала бы, не удержи он меня. А если он и заложил бомбу? Иначе откуда ему о ней известно?

Нужно сказать остальным. Нужно... Как плохо, что я не могу вообразить собственный голос! Или плакат? Да кто его увидит. Может, объявление в громкоговорителе? Но аудиоиллюзии мне создавать еще не приходилось.

У подножия эскалатора я столкнулась с бабушкой из вагона. Накрыло ощущение старческого, до невозможности мягкого тела и запаха ветоши. Кажется, я на долю секунды потеряла сознание.

– Не отставай! – рявкнул мужчина и дернул меня, как мамы дергают непослушных детей.

Сустав в плече пронзила резкая боль. Инстинкт самосохранения сработал раньше сознания – мужчина пошатнулся от невидимого напора воздуха. Ничего более угрожающего в тот момент я не придумала.

– А ну. – Когда эскалатор закончился, он крепче перехватил меня за обе руки и поволок к выходу.

– Молодой человек, что вы делаете?! – не то воскликнула, не то спросила сонная мамаша у нас на пути. В каждой руке у нее висело по такому же сонному ребенку. – Девушка явно не хочет с вами никуда идти!

Я отчаянно закивала. Люди вокруг начали оборачиваться. Наконец-то.

«Отпусти!» – Я уперлась пятками в пол и потянула на себя.

Мужчина нетерпеливо обернулся.

– Хельга, – бросил он на ходу, и на нас оглянулось еще больше народу. – Она ведь уже мертва? Ты, видимо, хочешь повторить ее судьбу?

Я отшатнулась. Если он знает про Хельгу, значит, он с ней заодно?

Я не успела додумать эту мысль – мужчина потащил меня дальше, мир крутанулся перед глазами, и я упала. Потолок мигнул белыми лампочками, вздрогнул и погас.

* * *

Я открыла глаза – небо. Ясное, бело-розовое, с молочными разводами и слепящим солнцем. Резкий, разъедающий глаза и ноздри запах расплавленного железа. Потом появился крик, тут же расщепившийся на множество других. Я вдохнула гари и этого крика – и ожила.

Мир постепенно обретал очертания. Я лежала на чем-то твердом, чуть выше уровня земли. Мужчина в кожаной куртке стоял надо мной и смотрел вдаль. Я повернула голову вслед за его взглядом – там, где раньше был вход в вестибюль метро, теперь царил ад. Стекло разнесло на осколки, рамы выбило и покорежило. Асфальт у входа потемнел от крови.

Меня замутило. Мужчина несильно сжал мое плечо.

– Ты им уже не поможешь.

Будто в противовес ему детский голос воскликнул:

– Мамочка! Мама!!!

Та женщина держала за руки двоих детей.

– Больно! Воды!

– Сюда! «Скорую»! Тащи! Помоги поднять!

– Вызовите «скорую»! Здесь взрыв!

Воздух стремительно напитывался стонами, вокруг нарастал вой сирен. В хаосе тел едва угадывались человеческие очертания. Узнать кого-то было невозможно. Картинки отпечатывались в сознании, обещая превратиться в кошмары похуже тех, где на меня из тени заброшенной усадьбы напал разгневанный Эдгар.

Неужели ничего нельзя сделать? Я поискала глазами тех, кого запомнила. Бабулька, рабочий, молодая женщина. Где они? Может, мне хватит сил представить, что хотя бы они едут дальше на работу и по своим делам?

Словно в ответ в голове зазвучал строгий голос Лестера:

«Никогда. Никогда, слышишь, Вера, не вмешивайся в судьбу. Цветочки на лугу, деньги, цапки – что угодно. Но не вмешивайся в судьбу реальных людей. Расплата за это всегда – смерть».

Как будто жизнь, в которой происходят такие вещи, – лучше... Внезапная мысль обожгла сознание. *Все равно этим рано или поздно кончится.* Я же в любой момент могу вернуться туда, где ничего этого не случилось – хотя бы попробовать...

– Не дури. – Требовательный голос штырем ввинтился в мозг. – Я вижу, ты что-то пытаешься сделать. Перестань.

– Помогите мне!

– Нога! Где моя нога?!

– Твою ж на хрен...

– Отче наш иже еси на небеси...

Медленно, борясь с головокружением, я села. Мир продолжал разрываться от криков. Я вцепилась в рукав кожаной куртки и заглянула мужчине в глаза. Он знал, что станция взорвется. И не сделал ничего, чтобы помочь этим людям. «Почему?» – беззвучно прошептала я.

На мгновение что-то мелькнуло в его побледневшем лице, но тут же исчезло. Он осторожно отцепил мои пальцы.

– Я потом тебе объясню. Вставай. Сейчас надо уходить.

Он снова потянул меня за руку. Стоны слились в непрерывный высокочастотный вой, и я уже не понимала, слышу их наяву или только в своей голове.

Почему он меня вытащил? Почему старуха пришла ко мне?

Я попыталась встать со скамейки, но ноги подкосились. Мужчина удержал меня, иначе я рухнула бы на асфальт. Ладони его оказались жесткие и шершавые – и такие сильные, что наверняка могли мне что-нибудь сломать, вздумай я сопротивляться.

– Пойдем, – тихо произнес он, склонившись ко мне. Запах дубленой кожи на секунду перекрыл вонь вокруг. – Не твоя это ноша.

Он им не помог, пульсировало в голове. Знал и не помог. Единственный человек, который знает, что станция взорвется – тот, кто ее заминировал. Разве нет?

– Воды!

– Помогите, умоляю! – слышалось вдалеке.

Проигнорировав очередной призыв убраться, пока не приехали спасатели, я уселась прямо на асфальт. Сама толком не знала, что собираюсь делать. Но так просто уйти не могла.

Что-то грохнуло над головой – небо сотряс гром такой оглушительной силы, что на мгновение мне показалось, оно разломилось пополам. Мир из цветного сделался серым, подул холодный влажный ветер, где-то наверху столкнулись два тяжелых дождевых облака, и зарядил ледяной дождь.

Вода заливала мне лицо и глаза, колотила по израненным рукам, пропитывала одежду. Я будто сама была дождем. Природа горевала вместе со мной, жалея этих истерзанных, искалеченных людей. Струи воды смывали кровь с асфальта и с изувеченных тел – прозрачные и ледяные, как горная река. Или как слезы зимы, если бы та умела плакать.

– Вера, прекрати! – крикнул мужчина, но его слова растворились в вое ветра.

Откуда он знает мое имя?

Чем бы оно ни было, на мое привычное волшебство оно не походило. Это было нечто другое – незнакомое, сокрушительное, страшное – и очень мощное. Голова кружилась, силы таяли, но я не знала, как это прекратить. Я вообще уже ничего не знала.

– Что ж ты делаешь, – устало вздохнув, мужчина вдруг ловко закинул мою руку себе на плечо.

Подхватив под спину и колени, он поднял меня и пошел в противоположную от шума сторону, бормоча что-то о заморозках посреди лета. Щека прижалась к мягкой дубленой коже, запахло выпечкой и ванилью. *Ему нельзя доверять*, упрямо билось в висках.

Я хотела подумать еще что-то важное, но туман окончательно заполнил сознание.

Глава 3

Солнечные лучи пробивались сквозь прикрытые веки. Меня мерно потряхивало под стук колес. Тело медленно наливалось усталостью. Лопатки ныли от встречи с досками, порезы на руках пощипывало. Во рту было сухо, как в пустыне. Влажная после дождя одежда липла к телу.

Я с трудом разлепила глаза. Судя по деревянным лавкам, мы ехали в полупустой пригородной электричке. Напротив сидел мой спаситель. Или террорист? Он сцепил руки на груди, расставил ноги под крошечным столиком и сверлил меня задумчивым взглядом исподлобья.

Я отвернулась к окну. Вдалеке мелькали залитые солнцем поля и редяющие подлески. Куда бы мы ни ехали, город явно остался позади.

– Ты немая? – спросил мужчина.

Я покачала головой.

Если дождь вызвала я, куда делась плата за фантазию? Может, старуха сделала так, что я больше не должна платить?

Я выхватила взглядом перекошенный домишко за окном. Скажем, там живет одинокий дедушка. Прямо сейчас на столе перед ним стоит графин с водой, сквозь который просачивается солнечный луч. Округлые бока, суженное кверху горлышко, гладкий на ощупь. Я пошарила на лавке рядом с собой, и тут знакомо хрустнуло у сердца.

Ну. Хотя бы не умру от жажды.

Я сделала глоток. Хотела откинуться на скамейку, но что-то впилося мне в спину. Словно десяток морских ежей прошлись по коже. На море я как-то наступила на одного – запомнила на всю жизнь.

– Если не немая, почему не разговариваешь? – не унимался мужчина.

Я оглянулась. Потому что какая-то старуха ввалилась в квартиру, пока я спала? Потому что так испугалась, что потеряла способность говорить? Когда-то я силой воображения создала целого живого Эдгара, а теперь не могу организовать себе голос.

Я глянула на стол, и на нем появилась написанная красным фраза: «Голос пропал». Надпись вышла неровная, маслянистая, буквы – толстые и корявые. Какая-нибудь женщина, по случайности оказавшаяся этим утром в электричке, не досчитается в сумочке любимой помады.

Эта шалость мне по ощущениям почти ничего не стоила. Несколько крошек печенья. Зато мужчина, похоже, удивился.

– А когда стол кончится? – уточнил он, приподняв бровь.

Я не стала отвечать. Буквы исчезли, и появились новые:

«Куда мы едем?»

– Ко мне домой. Буду учить тебя тому, что умела Хельга.

«Кто она?»

– Зима, – коротко ответил он и устремил на меня тяжелый взгляд.

Как будто это что-то объясняло.

«А ты кто?»

– Телохранитель. Меня Антон зовут.

Я снова попыталась откинуться на спинку скамьи, но забыла про иглы и вздрогнула. Сложила руки на груди, скопировав движение телохранителя, и стала его рассматривать.

Лет ему было, наверное, около тридцати, одежда у него была как будто прямиком из девяностых: штаны перехвачены тугим армейским ремнем, – я помнила такой у папы из детства, – на длинных ступнях белели полосатые кеды. Куртка пестрела потертостями. Разве телохранители не носят костюм и оружие? И разве их подопечным кто-то выкалывает глаза?

«Ты не защитил ее», – появилось на столике между нами.

– Зато спас тебя, – спокойно ответил Антон.

«И что теперь?»

– Теперь прослежу, чтобы тебя не убили до зимы.

«Кто?»

– Чтобы никто, – он чуть подался вперед, делая ударение на последнем слове, – не убил тебя до зимы.

Сердце ухнуло куда-то в желудок.

«Откуда ты узнал про взрыв?»

Антон провел рукой по лицу, и я мысленно накинула ему еще лет пять.

– Хельга предупредила. Она была вещая. Назвала место и время, сказала, что я должен найти девушку и спасти, пусть даже ценой чужих жизней. – Он задумчиво смотрел куда-то поверх моей головы, и впервые в лице его мелькнуло что-то, похожее на сожаление. – Сказала, что девушка будет одета в джинсы и синюю футболку, с мокрыми волосами, испуганная и не от мира сего.

Я потрогала влажные от дождя кончики волос – кажется, в них осталась стеклянная крошка, – и незаметно вздохнула. По крайней мере, он не террорист.

– Еще она сказала, что девушка может исчезнуть, – продолжал телохранитель. – Просто перестать быть. Я тогда не понял, что это значит, пока не увидел, как ты это делаешь.

Я нервно покрутила кольцо на безымянном пальце.

– Это что, – Антон кивнул на мою руку, – волшебное кольцо?

«Кто верит в волшебные кольца?»

Телохранитель неожиданно усмехнулся.

– Мир большой. И сложно устроен. В древности вот считали, что весна наступает, потому что Персефона возвращается из царства Аида. И мать ее Деметра так радуется, что все вокруг расцветает.

Мифы Древней Греции? Он серьезно? Но вместо этого я спросила совсем другое.

«Ты считаешь, это правда? Про Персефону?»

Чтобы он увидел буквы, мне пришлось ткнуть в них пальцем. Мышцы тут же отозвались болью.

– Люди в это верили. – Антон пожал плечами, но получилось, как будто качнул телом вверх-вниз. – Во что верит много людей, то и правда. Так устроено.

Ну да. И Дед Мороз существует. И Снегурочка. И Персефона.

Я устало ткнулась лбом в стекло. Вместо полей с пасущимися коровами взгляд выхватил хаотичные отпечатки тех, кто ехал в электричке до меня, – крупные, мелкие, едва заметные, липкие и совсем прозрачные. К одному даже приклеилась крошечная мошка. Я дохнула на заляпанное стекло, и на нем проявились три коротеньких слова. «Мир сошел с ума».

Напротив раздался короткий смешок.

– А он никогда и не был нормальным.

Улыбка сделала лицо Антона несуразным. Наверняка он и сам это знал – искривленные губы тотчас выпрямились.

– Ты ведь просто веришь, что эти строчки сейчас появляются на столе, – пояснил он. – А кто-то поверил, что существуют Великие Девы: Весна – юная девушка, которая пробуждает природу, принося в мир новорожденное дитя. За ней приходит Лето – страсть и пиршество, время праздновать и любить. Потом настает время мудрой Осени с плодами посеянного. И в самом конце – убийственно холодной Зимы.

Люди во многое верят. Иногда хватает веры одного человека, как у тебя. Иногда нужно, чтобы поверил целый народ. Сложно мир устроен, в общем. И все в нем есть. Во что веришь, то и есть.

Я задумчиво потрогала крошечный осколок, впившийся в руку с внутренней стороны запястья. Вокруг него запеклась кровь. «Во что веришь, то и есть». Какое простое объяснение. Только Антон, видимо, не в курсе, что те, кто верит сам, вынужден платить за фантазии кусочками души. А Лестер никогда не упоминал, что веры нескольких людей хватит, чтобы что-то оживить. И про Дев он ничего не говорил.

Чего-то не хватало в этом пазле. Вопрос вертелся в голове, но я никак не могла его поймать. В электричке было душно, открытые форточки не спасали. Мысли путались и сливались в какофонию разрозненных сюжетов.

Вдруг за спиной раздался приятный мужской баритон:

– Билетики, граждане, готовим, показываем. Все готовим билетики!

Антон встрепенулся, рука нырнула под куртку, но почти сразу же легла обратно на колени. Что там такое? Повернуть голову казалось сродни пытке, так у меня затекла шея.

– Достаем, достаем, товарищи, – вкрадчиво повторил голос. – Позвольте... Да вот же он, из вашего кармашка торчит. Хорошего дня!

– Билетики, – зазвучало из другого конца вагона. Этого я могла видеть: высокий, кареглазый, в белоснежной рубашке, натянутой на груди, с ежиком блестящих каштановых волос и ослепительной улыбкой.

С каких пор порноактеры подались в проводники?

Я кинула быстрый взгляд на телохранителя. Тот не шевелился, только настороженно следил за обаятельным красавчиком.

– Билетик, девушка, – раздалось так близко над ухом, что дрожь пробежала по позвоночнику.

Передо мной на корточки опустился длинноволосый блондин с прической, какую я у мужчин раньше не видела: часть волос была собрана сзади резинкой, остальные лежали на плечах. Это мальвинка, что ли?

Парень выглядел как мой ровесник. Кожа чистая, уголки губ были задорно подняты, в мочке левого уха поблескивало сразу несколько тонких колец. Белая рубашка делала из него вылитого школьника – правда, школьника, который сбежал с уроков.

– С вами все в порядке? – мягко спросил блондин. – Вам нужна помощь?

Почему-то в этот момент он напомнил мне Эдгара, хотя из общего у них были только длинные волосы и серо-зеленый оттенок чуть прищуренных глаз.

Кажется, я покачала головой. Или только собиралась.

– Конечно, ей нужна помощь, – вставил второй. – Ты погляди, с кем она едет. Мы уж думали, Антоха, ты убился вслед за хозяйкой.

– Живой, как видишь, – глухо процедил Антон.

Я слушала их вполуха, не в силах оторвать взгляд от парня перед собой. Пара верхних пуговиц на его рубашке расстегнулась, и в вырезе мелькнули белые рубцы.

Он перехватил мой взгляд и негромко спросил:

– Как вас зовут? – В его медовом голосе можно было купаться, как в теплой реке. Мне вдруг стало жарко в своей влажной одежде. – Кивните, если вам нужна помощь.

– Тихо, Антоха, – донеслось издалека. Краем глаза я заметила, что кареглазый держит Антона за плечо. – Мы просто проверяем, зачем пустили дождь без разрешения Летней Девы. Может, на то была крайняя необходимость. Правда, красавица?

– Она еще не научилась управлять силой, – с раздражением ответил Антон.

– Так отправь ее к Юле, пусть учится. Мы проводим.

– Обойдется.

– А ты не решай за нее! Нет, правда, девушка. Как вас... – Кареглазый приветливо улыбнулся, ожидая, что я назову свое имя. – Летняя Дева будет рада с вами познакомиться. Она ничего вам не сделает.

– Смотри, как бы *она* ничего вам не сделала, – огрызнулся Антон.

– Думаю, у меня есть то, что вам нужно. – В руке у блондина засветился прозрачный шар с золотой сердцевинкой, издав издав напоминающий стеклянный.

Краем глаза я заметила, что Антон дернулся.

– Тихо. – Кареглазый крепче взял его за плечо. Приглядевшись, я поняла, что и его рука поблескивает тем же неярким светом. – Не мельтеши.

– Теплота, – проникновенно продолжил блондин передо мной, будто мы были одни, а вокруг горели свечи и играла приглушенная музыка. – Она даст то, что вам нужно. Это подарок Летней Девы.

От шара и правда веяло приятной теплотой. Она была мягкая и обволакивающая, как если бы рядом зажгли аромасвечку.

– Это подарок, – повторил он, и я вдруг поняла, *что* он предлагал. Голос. Мой потерянный голос.

Будто в ответ из глубины сознания поднялась мысль. *Все мое возвращается ко мне. Ничего нельзя отнять у Зимы.*

Не отрывая взгляда от серо-зеленых глаз, я прикоснулась к мерцающей сфере. Шар был упругим и податливым, как желе. Пальцы закололо.

– Старуха Хельга не ту нашла с перепугу, а? – поддел кареглазый. – Совсем еще девочка, смотри. Ути-пути.

Но парень передо мной не двигался. Он смотрел с сочувствием, как никогда не смотрел Эдгар, и не опускал руку. *Ты должен принять от меня и боль, и радость.* Вслед за этой мыслью в глубине тела зародился холодок, точно я проглотила кусочек мороженого. Он пробежал по внутренностям, тонкой ниточкой перелился через пальцы, и в то же мгновение шар, которого я касалась, заиндевел и раскололся. Парень вздрогнул – по его раскрытой ладони потекла струйка крови. Он хотел отвести руку, но я с неожиданной для самой себя силой схватила его за запястье.

Ты должен принять это.

– Вот она дикая! – воскликнул тот, что держал Антона, и кинулся оттащить от меня товарища.

Он покорно позволил себя поднять. Лицо его застыло от удивления, словно я на его глазах превратилась в северного оленя.

– Давай на выход, – угрожающе произнес Антон. Он держал кареглазого за неестественно вывернутое запястье и направлял к выходу. – Вы уберетесь сейчас. Или у Юли станет на одного сладкого мальчика меньше.

Проводник заметно напрягся.

– Да ладно, Тоха, люди кругом, ты же не будешь... – протянул он с фальшивой улыбкой.

– Хочешь проверить?

– Мы еще увидимся, – мстительно пообещал проводник. – Пойдем, Тёмка.

Блондин плавно развернулся на пятках, молча прижимая окровавленную ладонь к белой рубашке на груди.

– Тёма, – одними губами произнесла я.

Он не обернулся.

– Передайте Юле, что баланс восстановлен, – бросил Антон им вслед. – Зима наступит в срок.

– Я передам Юле то, что видел, – с нажимом ответил кареглазый. – Пошли, спящая красавица! – Он подтолкнул Тёму к выходу.

Антон последовал за ними к тамбуру.

Я обхватила себя за плечи. Холодно было так, словно я снова оказалась в своей комнате рядом с Хельгой. Это снова была я, одна в своем теле, и его бил озноб такой силы, что стучали

зубы. Мне было больно – болела кожа, голова, спина, болело внутри от жуткого холода, который только что пролился через меня в мир.

– Ты чего? Холодно? – спросил Антон над головой.

Быстро он вернулся.

Я покачала головой, отчаянно пытаюсь унять дрожь. Не так уж этот Тёма похож на Эдгара. У него и волосы прямые, и лицо моложе, и ямочки на щеках. Ухо проколото в трех местах... И вообще это все холод у меня внутри, а не воспоминания.

Антон сел рядом, достал из одного из многочисленных карманов куртки фляжку и откупорил ее.

– Задержи дыхание. – Он хотел прижать флягу к моим губам, но я оттолкнула его руку.

– Давай, Вера.

«Откуда ты знаешь, как меня зовут?» – появилось на столе, и в этот момент мне было все равно, чем придется заплатить за очередную фантазию.

Антон не взглянул на надпись.

– Это просто коньяк. Пей. – Он взял меня за плечи и заставил сделать глоток. Горло обожгло, по телу медленно разлилось тепло. Мышцы постепенно расслабились. – Ну вот. Сейчас отпустит.

Антон так и сидел рядом до конца поездки, но ко мне больше не прикасался. Я снова провалилась в полудрему – мне снилась золотоволосая девушка в прозрачных одеждах, бесшумно идущая по земле. Там, где она ступала, вырастали белые цветы. Потом появился Эдгар – большой и мрачный, как черная грозовая туча. В старой холщовой рубашке с закатанными рукавами и с красными обветренными руками он походил на мясника. Я хотела крикнуть девушке, чтобы убежала, но голос отказал мне даже во сне.

Машинист объявил конечную станцию, и я очнулась.

– Дома, – коротко сообщил Антон. – Выходим.

Глава 4

День клонился к вечеру. После дождя солнце так и не вышло. Дорогу от станции со всех сторон окружал сосновый лес. Свежий запах хвои щекотал ноздри, в воздухе разливалась прохлада. Я слышала, как под подошвами сандалий ломаются мелкие ветки, как шуршат остатки прошлогодних шишек и где-то в глубине леса переговариваются невидимые птицы. Если бы не боль в конечностях, я бы наверняка решила, что мне и это тоже снится.

Минут через десять петляющая тропинка незаметно превратилась в улицу, вместо леса выросли пятиэтажные здания тускло-зеленого цвета. Если верить Антону, улица начиналась сразу за железнодорожной станцией и вела почти к самому его дому.

В наступающих сумерках нам то и дело встречались люди. Краем глаза я даже заметила пару вопросительных взглядов, но сил думать об этом не было.

– Запоминай, – говорил Антон, указывая куда-то за верхушки деревьев. – От станции все время направо, потом за домами налево. – Я зацепилась носком за корягу, и он, не задумываясь, подхватил меня под мышки. – Скоро будем на месте.

Я сосредоточилась на ногах. Сначала одну. Потом вторую. Еще немного вперед. Через пару метров я споткнулась снова, и Антон остановился.

– Тебя понести?

Я мотнула головой и решительно двинулась вперед, хотя понятия не имела, куда именно. Поверить невозможно: еще вчера вечером я сидела на кухне квартиры, которую считала своей, и размышляла, как сдать ЕГЭ. А теперь топаю рядом с бритым типом, про которого знаю только то, что его зовут Антон и что он работал на Зимнюю Деву, и собираюсь – что? Остаться у него на ночь? Пожить пару дней?

Антон поравнялся со мной и жестом указал налево. Мы повернули во двор между парой квадратных, похожих на коробки домов, со всех сторон окруженных деревьями.

– Пришли, – сообщил Антон, останавливаясь перед одним из двух подъездов.

Он набрал код домофона и открыл железную дверь. Я с тоской оглянулась на живую изгородь у дома. Сейчас я зайду в подъезд, и пути назад не останется. Может, нужно было-таки доехать до мамы? Я все равно собиралась вернуться к ней. А этого человека знаю всего пару часов, и за это время он хватал меня за руки чаще, чем мама и папа за все мое детство.

– Вера, – позвал Антон.

Двадцать лет уже Вера.

– Ты можешь мне доверять.

Он замер, по-прежнему держа дверь открытой. В свете молодой луны лицо его на мгновение показалось мне юным: суровая складка между бровями разгладилась, выражение глаз смягчилось.

Ладно. Если что, я всегда успею представить, что его ноги все-таки выросли в пол.

Я со вздохом поковыляла в прохладную утробу дома.

– Второй этаж! – крикнул Антон вдогонку.

Спасибо, что не пятый.

Квартира его оказалась теплая и уютная. Полумрак выступил из глубины полуоткрытых дверей, ласково обнял за плечи, приглушив разом боль и усталость. Антон не спешил включать свет. Несколько мгновений он молча стоял за мной, будто и сам был рад наконец очутиться в родных стенах.

– Здесь безопасно. Поживешь ближайшее время, пока я не разберусь, – негромко сообщил он. – Родители у тебя есть? Кому-то нужно позвонить?

Я покачала головой. Мама явно поверила в байку о стажировке. Про папу она ничего не сказала. Наверняка он счастлив со своей новой семьей. Может, даже детишками обзавелся.

Разбираться с этим прямо сейчас сил у меня не было. Я так устала, что почти не чувствовала ног.

Из дальней комнаты показалась черная кошка с белым пятнышком на морде. Она осторожно подошла, понюхала воздух в паре сантиметров от моей коленки и попятилась.

– Не признала, Маша? Ну, привыкнешь еще. Проходи, Вера. – Антон снял куртку, разулся и сам бесшумно скользнул вглубь коридора.

Я кое-как расстегнула босоножки.

Антон ждал меня в комнате с темно-зеленым диваном, парой старинных стульев и письменным столом с дубовой столешницей. Он задернул шторы, достал из комода простыню и легкое одеяло и разложил быстрыми, скупыми движениями. Половицы мирно скрипели под его перекатывающимися шагами.

На пороге снова возникла кошка и стала нюхать воздух.

– Шшш, Маша, – не то спугнул, не то успокоил ее Антон.

Я наклонилась, чувствуя все ноющие мышцы в теле, и протянула ей руку. Она без особого интереса меня обнюхала. Гладкая шерстка переливалась в темноте.

Много бы я сейчас отдала, чтобы почесать Наума за его короткими рваными ушами.

Антон не глядя вытащил из верхнего ящика ворох переливающейся ткани и синее полотенце и молча протянул мне.

– Ванная прямо по коридору. Я подожду здесь.

На ощупь ткань напоминала шелк. Зажав ее под мышкой, я поплелась в ванную. Помыться мне хотелось даже больше, чем лечь спать.

В ванной обстановка была аскетичная. У стены ютились две простые табуретки, над белой тумбочкой размещалась раковина с отколотой эмалью, под потолком – небольшое зеркало в деревянной раме. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы в него заглянуть.

У девушки в отражении день выдался явно не из лучших. Лицо опухло от слез, взгляд был затравленный, словно на нее спустили Дикую Охоту в полном составе. У губ появились две ровные линии, больше похожие на заломы. Я коснулась их в зеркале. Вряд ли кто-то теперь даст мне меньше двадцати.

От футболки остались одни лохмотья. Джинсы вроде были целы, но от них за километр разило гарью. Я поискала взглядом стиральную машину или хотя бы корзину с бельем, но комнатка была такая маленькая, что, видимо, в ней просто не нашлось места.

Я сложила вещи на полу и забралась в ванну. Кожа отчаянно запротестовала, когда я включила горячую воду. Ранки от осколков щипало. Особенно досталось спине. И все равно стоять под горячим потоком после всего, что сегодня случилось, было сродни блаженству. Я попробовала вытащить пару осколков, но только сама себе пустила кровь. Ничего, сами выйдут. Когда-нибудь.

Волосы я вымыла мужским шампунем, как могла, отдраила кожу хозяйственным мылом, и спустя пять минут наконец почувствовала себя почти нормальным человеком. Ну ладно – нормальным человеком без голоса, одежды и средств к существованию.

Я вылезла из ванны и встряхнула ворох ткани, который дал мне Антон. Голубое платье с запахом. Откуда у него такое роскошество? Пришлось натянуть его на голое тело. Шелк приятно охлаждал кожу, но быстро намок там, где соприкасался с мокрыми волосами. Вырез уходил глубоко в ложбинку на груди. Кажется, за всю жизнь я не надевала ничего более женственного. Надо будет вообразить себе что-то менее откровенное... Но это завтра. Всё завтра.

Я вернулась в комнату, придерживая края платья. Антон сидел на диване, расставив ноги и подперев лоб кулаком. В тусклом свете его бритая голова казалась совсем гладкой.

– Все хорошо?

Он поднял на меня глаза в красных прожилках. Джинсы и футболка на нем были прежние, только куртка осталась в коридоре. Интересно, ему тоже теперь везде мерещится запах гари?

– Вера? Все хорошо?

Я кивнула.

– Отдыхай. Если что-то нужно, я в соседней комнате.

Антон ловко подхватил кошку под брюхо и вышел, прикрыв за собой дверь. В то же мгновение силы окончательно меня оставили – я упала на диван прямо в платье, обняла себя за притянутые к животу колени и провалилась в сон, забыв даже про одеяло.

* * *

Ночью мне снилось замерзшее озеро. Оно стояло в белесой пелене безмолвия, вокруг высились могучие деревья-исполины, укрытые толстым слоем снега. От сверкающей белизны слепило глаза, от тишины закладывало уши.

На всей поверхности озера лежал снег, рассыпчатый и легкий, как мука, но я почему-то в него не проваливалась. Шагала вперед, изредка поглядывая на свои ноги в мягких ботинках из кусочков кожи. Холодно мне не было, страшно тоже.

Я ступила туда, где угадывалась кромка замерзшей воды. Почему-то я точно знала, что лед меня выдержит – он устоял бы даже под весом грузовика. Я расчистила снег носком ботинка. Сквозь ледяную толщу на меня смотрели чьи-то широко распахнутые глаза. Рот был в ужасе открыт. Я стала расчищать дальше. Еще одно лицо, еще и еще. Похоже, подо мной кладбище – такое большое, что людей хватило бы на целую деревню.

Я дошла до центра озера и опустилась на корточки. Из-под льда на меня смотрела голубоглазая девочка с бровями такими светлыми, что они почти сливались с кожей. Во сне я знала, что озеро затеряно в глубине далекого безымянного леса и оставлено здесь в назидание другим. А создала его та, чья сила текла во мне.

Вот что ты теперь такое, – мелькнуло в голове. Ледяная смерть.

Ну нет. Не стану я этой старухой, напоминающей живую мумию.

Я подышала на лед. Не знаю, чего я ожидала, но ничего не произошло. Тогда, стараясь не смотреть в глаза девочки, я прижалась ко льду губами. Может, получится растопить его? Где там... Холод хлынул внутрь через губы, растекаясь по внутренностям. Казалось, даже легкие заиндевели. Страх вгрызся в позвоночник. Я силилась сделать вдох, но ничего не получалось.

– Вера! – Антон склонился надо мной. – Очнись!

Помоги мне боже. Я проснулась, но по-прежнему не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть. Антон исчез – вместо него остался молочный потолок в неровных бликах от ночника. Видимо, это будет последнее, что я увижу в жизни.

Стоило чудом спастись от взрыва, чтобы выпить ледяное озеро во сне и погибнуть. И я еще решила, что смогу противостоять этой силе. Какая же дура!

Антон снова возник перед глазами, когда я уже почти ничего не видела. Он вложил мне в руку что-то продолговатое и шершавое.

– Перелей в него холод, – велел он.

Чего?

– Ну же, Вера.

Что, вот так просто? Я бы засмеялась ему в лицо, но мышцы не слушались. Сознание меркло, как испорченный телевизор.

– Давай. Выдыхай холод. – Мир сузился до его спокойного голоса, вибрирующего где-то на поверхности кожи. Хорошо ему говорить – у него не онемело тело от век до пальцев на

ногах. – Выгоняй его из себя. Представь, как холод собирается в твоей руке и перетекает через пальцы в ствол. Весь. Ну!

Я уже ничего не соображала. Только чувствовала, как что-то пульсирует в руке – теплое, мягкое и живое. Энергия в нем трепыхалась, как огонек свечи на ветру, и постепенно угасала.

– Вот так, молодец, – мерно направлял меня голос. – Выливай холод. Ты еще слишком живая. Дыши. Все получится.

«Мне бы твою уверенность», – угрюмо подумала я, но вдруг заметила, что мне и правда полегчало. Оцепенение спало, и я смогла сделать судорожный неглубокий вдох.

– Что тебе снилось? – спросил Антон.

Я только покачала головой. Какая разница, что мне снилось. Непрошенные слезы катились из уголков глаз, но я ничего не могла поделать. Черт бы побрал все это. С того самого дня, как я вернулась из небытия, я так ничего и не смогла поделать со своей жизнью.

Что-то с треском шлепнулось на пол. Там лежал чудом не разбившийся горшок с мерзлой землей. Из него торчал искривленный серый ствол в обрамлении таких же серых листьев. Если я что-то понимаю в биологии, минуту назад это деревце было полно жизни. А я влила в него столько холода, что от зеленых листьев остались одни ошметки.

Кошка угрожающе зашипела из угла.

– Принести тебе воды? – спросил Антон.

Я перевела на него взгляд – в пижамных штанах и растянутой черной футболке с Суперменом он выглядел, как Дарт Вейдер в костюме Микки-Мауса. Под глазами у него залегли сизые тени.

Я с трудом села на диван. Антон ушел, но быстро вернулся.

– Выпей. – Он вложил мне в руку стакан, и тот мелко задрожал: оказывается, руки у меня тряслись.

Я принюхалась. Вода пахла горечью.

– Валерьянка, – объяснил Антон. – Никто травить тебя не собирается. Не для того я... – В соседней комнате что-то пронзительно свистнуло, и он осекся. – Момент.

Он снова исчез за дверью, а я так и осталась со стаканом в подрагивающих пальцах. Кошка перестала шипеть, подошла ближе и понюхала воздух. Видно, и правда валерьянка. Наум ее тоже любил.

– Да, Юля, – донеслось из-за стенки. Голос у Антона был на удивление ровный. – Я знаю, сколько времени. А ты? Я нормально разговариваю. Извини. Это больше не повторится. Я прослежу. Да.

Он вернулся, прижимая трубку к уху и неся под мышкой похожую на кирпич прямоугольную подушку.

– Вера? – переспросил Антон с нотками притворного удивления. – К сожалению, она не может с тобой поговорить. Она немая.

Ну спасибо.

Антон достал из комода полосатое черно-серое покрывало и расправил его на полу. Сверху кинул подушку – кошка тут же на ней устроилась, поджав под себя лапки.

– Обязательно заглянем. Спокойной ночи.

Он выключил телефон.

– Выпила?

Я залпом проглотила валерьянку. Антон забрал у меня стакан и вместе с цветочным горшком поставил на стол.

– Юле это не понравится, но пока старайся избавляться от любого холода внутри. Ищи что-то живое и сливай холод туда. Поняла?

То есть мне *убивать* что-то живое? Я постаралась вложить все негодование в поднятую бровь.

Антон согнал кошку и сам улегся поверх одеяла.

– Нелегко только поначалу, – сказал он, будто прочитав мои мысли. – Но ты привыкнешь. Тут штука такая: в мире вообще нет справедливых и добрых. И злых нет. Все просто хотят выжить. Чем раньше это усвоишь, тем проще будет потом.

Я бессильно откинулась на подушки – спина тут же отозвалась болью. Ненавижу это новое мироустройство. И Хельгу. И свою силу, которая все больше напоминала Армагеддон в одном из фантастических рассказов зарубежного автора, имя которого напрочь выветрилось у меня из головы.

– Еще валерьянки? – предложил Антон.

Я слабо покачала головой. Руки все еще немного дрожали – я прижала их к бедрам.

– Тогда спокойной ночи.

Щелкнул выключатель, и комната погрузилась в темноту.

* * *

Некоторое время мы лежали молча. Кошка долго укладывалась – я слышала ее сопение и шорох мягких лап. Сон не шел. Мне казалось, стоит провалиться в забытье, как озеро появится снова. Или привидится Эдгар в заброшенной усадьбе. Или еще что-нибудь, от чего я уже не проснусь.

– Не спишь, – не то спросил, не то сообщил Антон. Ровный голос сливался с ночью. – Я в свое время выхаживал брата с астмой. Могу по ритму дыхания определить, как плотно человек поужинал, а уж про сон и подавно. Там ритм меняется кардинально: мы вдыхаем реже и как бы более глубоко. И выдыхаем медленно. Совсем почти не слышно.

Зачем он мне это рассказывает? Представить вопрос было не на чем. Оставалось только слушать.

– Когда у Ваньки начались приступы, я стал ночевать с ним в одной комнате. И сам научился спать, как мышка. Иная мамаша так не дрожит над младенцем, как я над ним. Он так и говорил – «носишься со мной, как мамка». Я тогда решил – никаких детей, не надо мне такого счастья. Заботишься, думаешь о нем постоянно, куда пошел, что с ним. А защитить не можешь. Только знай себе, к дыханию прислушивайся.

Он говорил еще что-то, но я уже не слышала. Усталость наконец взяла свое. Или это подействовала валерьянка? Я провалилась в спасительную черноту и провела в ней несколько блаженных часов.

Вера, 12 лет

В шестом классе на меня напали. Это случилось по пути домой из школы, в безлюдном дворе, где я обычно срезала дорогу. Я как будто сама накликала беду, потому что часто, проходя узкий зазор между гаражами, думала: вот идеальное место для нападения.

В плеере играл популярный тогда «Трудный возраст», я брела, еле переставляя ноги, и под грустный голос певицы размышляла: почему всем обязательно надо умирать от первой любви? Если все сразу поумирают, кто же тогда женится?

Вдруг кто-то дернул меня за рюкзак. Сердце ухнуло в пятки, я обернулась. Передо мной стоял заспанный дядька в длинном плаще с грязными босыми ногами. На дворе стоял май, температура стремительно приближалась к летней, так что плащ доверия не внушал.

Я вытащила наушник из уха как раз, чтобы услышать остаток фразы:

– ...хорошему человеку на кусочек хлеба.

– Что?

Вокруг, как назло, никого не было. Недалеко стоял пятиэтажный дом с балконами, но кто его знает, услышали бы меня, если бы крикнула. В три часа дня люди обычно не дома.

– Найдется ли у вас, барышня, может быть... – жалобным тоном затянул мужчина. – Может быть, на кусочек хлеба. Ей-богу, все верну.

Он перекрестился, и я заметила в растворе широкого рукава длинный штопаный шрам. Самоубийца? Или случайно поранился?

– Хо... хорошо, – пропищала я. – Сколько вам надо?

А сама внутренне взмолилась: «Лестер!»

Мужчина почесал немывтые космы и выдал задумчиво:

– Ну рублей пятьсот.

Продолжая внутренне взывать к Лестеру, я потянулась за рюкзаком, прекрасно зная, что, кроме сотни с мелочью, в кошельке только сложенная вчетверо задумка нового рассказа. Я нацарапала ее на обратной стороне контрольной по математике и спешила домой, чтобы пописать в тишине.

«Лестер!»

Склонившись к рюкзаку, я нащупала под учебниками кошелек.

«Что сразу «Лестер»? Подумаешь, алкаш», – раздалось у меня прямо в голове.

Так мы с ним еще не разговаривали.

«Что мне делать?»

«Ну хочешь, представь, что он исчез. Переместился в Антарктику».

«Ты что!»

– Нашла? – нетерпеливо спросил мужчина.

Что-то новое появилось в его голосе. Решительность? Или угроза. Похоже, он лучше меня знал, что в три часа дня в этом дворе никого не бывает.

– Да.

«Или я не знаю... Что у него рука отвалилась. Или нога», – продолжал советовать Лестер в моей голове.

«Фу!»

«Нет, вы посмотрите на нее!»

«Ты можешь просто появиться?»

«А, то есть ты мне предлагаешь лишить его конечностей? Ну красота!»

Пока у меня в голове шел этот увлекательный разговор, кошелек оказался на свободе. Я даже успела вытащить сторублевую купюру, которая предназначалась для завтрашнего обеда. Вдруг мужчина выхватил у меня кошелек и начал трясти его над асфальтом.

– Покажи, покажи, – приговаривал он, и черты его дрожали, как вода в неверном отражении.

Ладно, начало рассказа я и так помню. Без обеда как-нибудь обойдусь. Сейчас главное отсюда...

– Куда пошла? – гаркнул алкаш, когда я, прихватив рюкзак, подалась в сторону.

– Слушайте, у меня правда ничего больше нет! Я же не вытаскиваю вам деньги из воздуха.

Тут кто-то противно захихикал за спиной.

– Как раз это она и может сделать, – произнес знакомый голос с бархатными нотками.

Я обернулась. Лестер был неотразим, как всегда: платиновые локоны сияли в солнечном свете, белоснежный брючный костюм подчеркивал изящную фигуру с идеально прямой осанкой.

Он доверительно улыбнулся мужчине.

– Я вам говорю, уважаемый. Эта девочка может достать из воздуха столько столько-ков, что вам хватит на тридцать лет безбедной жизни. Нужно только помочь ей...

– Помочь? – почти хором переспросили мы.

– Ну... – Лестер накрутил идеальный локон на палец. – Мотивировать. Понимаете?

Алкаш так больно вцепился в мое плечо, что я чуть не завопила. В нос проник отвратительный запах старой ветоши и невымытого тела.

– Что он мелет? – прошипел он.

– Он просто сумасшедший! Я ничего не могу. Отпустите, – залепетала я. – Пожалуйста.

– Еще как может, – подначивал Лестер. – Еще как...

– Лестер, я тебя закопаю! – взвела я.

– Prego², моя радость. – Он протянул руку, будто приглашал меня на танец. – Я давно жду.

Тут к моему горлу взметнулась рука со шрамом. Это было последнее, что я успела увидеть, потому что дальше старые швы разошлись, разрывая края раны, и на землю хлынула кровь.

– Что за?.. – завизжал мужчина, зажимая запястье.

Я метнулась в противоположную сторону. В грудь как песка натолкали, и он осыпался прямо к моим ногам, забирая с собой что-то очень важное. Что-то мое.

Лестер цокнул языком. На лице его играл почти детский восторг, глаза победоносно блестели.

– Видишь, моя радость. Можешь, когда захочешь. Ничего, я как-нибудь покажу тебе оторванные конечности. А то и правда – как тебе их представлять, если ни разу не видела?..

² Прошу (итал.).

Глава 5

Нос щекотал сладкий аромат, чем-то похожий на ваниль. Или на розовое масло для увлажнения кожи – у мамы в моем детстве было такое. Но что здесь может пахнуть розовым маслом? Я открыла глаза.

Через неплотно закрытые занавески пробивались блеклые утренние лучи, освещая причудливый узор на обоях – сплетенные между собой золотые лианы на фиолетовом фоне. На массивном столе не было никаких следов горшка с мертвым цветком, стоял лишь стакан с водой. На полу тоже было пусто. Видимо, мне приснилось не только озеро, но и то, что Антон провел здесь ночь.

Я медленно села на диване. Мышцы заныли, как если бы я весь день накануне карабкалась в гору. Ежовые иглы в спине проделали путь уже, казалось, до самого позвоночника. Но если не брать их во внимание, состояние мое однозначно было лучше, чем вчера.

В квартире не спали. С кухни доносился звон посуды и монотонное потрескивание. Прислушавшись, я поняла, что это кошка поглощает корм, активно двигая челюстями. Мысли ринулись к Науму, но я успела их остановить. Если постоянно думать о том, что потеряла, я вообще не встану.

Я запахла платье так, что вырез на груди почти исчез, и пошла на звук.

Кухню заливал солнечный свет. В углу ютился круглый стол с диваном вместо стульев. Холодильник был маленький и почему-то красный, шкафчики вдоль стены – коричневые и белые, собранные как будто из разных гарнитуров. У плиты, перекинув вафельное полотенце поверх черной футболки, возился Антон. Пальцы его были в белой массе, похожей то ли на творог, то ли на сырое тесто. В углу над миской склонилась кошка. Как он ее назвал? Мася?

– Проснулась, – не то спросил, не то констатировал Антон, вытирая руки. В шароварах и босой он выглядел совсем по-домашнему. От грозного телохранителя не осталось и следа. – Выспалась?

Я кивнула, размышляя, можно ли попросить его осмотреть спину.

– Кофе готов. Садись.

На столе и правда стоял высокий жестяной кувшин, распространяя вокруг себя аромат нотками шоколада. Я пристроилась на край светло-бежевого углового дивана и придвинула к себе одну из двух белых чашек. Они же для того здесь стоят, верно?

– Не стесняйся. – Антон кивком указал на кувшин.

Взявшись двумя руками за ручку кувшина, я плеснула абсолютно черную жидкость в чашку. Кофе пах так же, как выглядел: будто для его приготовления почти совсем не понадобилась вода.

– Нефть, – пробормотал Антон себе под нос. – Все время делаю слишком крепкий. Можешь разбавить, если хочешь. Молоко сейчас дам.

Он достал из холодильника молоко. Потом вооружился двумя махровыми прихватками и вытащил из духовки прямоугольную форму. В лицо дохнуло жаром и кислотовато-сладким запахом яблок, когда он поставил форму на стол. Шарлотка? Но это оказалась румяная запеканка с корочкой сахарной пудры.

Не удержавшись, я потрогала ее пальцем.

– Подожди, пока остынет, – усмехнулся Антон.

Мася подняла голову от своего корма, и, заинтересовавшись лакомством, подошла поближе. Антон беспардонно отодвинул ее к окну.

– Хельга иногда просто дула на чай, чтобы остудить. Можешь тоже попробовать.

Он отрезал большой квадратный кусок и положил на тарелку передо мной. Потом сел на другой конец дивана и, закинув ногу на ногу, сделал первый глоток кофе.

Вот так, значит. Посреди ночи ему звонили из-за несчастного деревца, а теперь мне можно заморозить запеканку.

Я выбрала пяточок стола в стороне от чашек и запеканки и сосредоточилась на нем.

«Я думала, летом мне запрещено пользоваться силой».

На этот раз буквы вышли темно-лиловые с примесью гуаши. Антон нахмурился.

– Я тебе блокнот принесу.

Я постучала пальцами по надписи. Что он недоговаривает? Почему деревце – нельзя, а запеканку можно?

Антон отхлебнул еще кофе.

– Цветок ты, считай, убила. Это запрещено. Нельзя распоряжаться жизнью не в свое время. Нельзя менять погоду. Нельзя летом создавать снег. Или ледяной дождь. Нельзя, в общем, влиять на баланс в мире, когда правишь не ты. А чай остудить или там... Кому-нибудь что-нибудь заморозить. Вполне.

Я вспомнила парня из электрички. Превратить теплоту в лед – это считается?

«Кто были те проводники в поезде?»

Буквы вышли алые, с маслянистым отливом. Они расплылись на деревянной поверхности, вычищенной с таким усердием, будто ее скребли ножом. Антон неодобрительно покосился на стол.

– А отмывать ты это тоже своим волшебством будешь?

Он поднялся, а я, повинувшись какому-то внутреннему порыву, вдруг схватила его за запястье. Внутри возникло странное ощущение дежавю, как будто я это уже делала. Но стоило встретиться с ним взглядом, как ощущение растаяло. Я разжала пальцы.

Антон задумчиво посмотрел на место, где я его коснулась, подвигал рукой во все стороны и молча вернулся на место.

– Это сладкие мальчики Юли, – нехотя объяснил он. – Я говорил тебе. Есть другие. Юля-Лето, Дарина-Осень, Фрося-Весна. И ты.

Я смахнула надпись легким движением ладони, проигнорировав слышимый только мне хруст. Если я теперь офигеть-какая-сильная Зима, то почему продолжаю терять частички души?

«Фрося?» – переспросила я новой строчкой.

– Ефросинья. Она немного того. У нее семеро детей.

Я хотела поинтересоваться, с каких пор многодетность считается признаком безумия, но стол был не бесконечным.

«А сладкие мальчики – это телохранители Летней Девы?»

– Они не охраняют Летнюю Деву, – отрезал Антон и посмотрел так сурово, что я физически ощутила тяжесть его взгляда. – Они ей служат.

«А почему произошел взрыв? Кто-то хотел убить меня?»

Вместо ответа он включил маленький квадратный телевизор, висящий в углу почти под самым потолком. Я узнала вход на станцию. Стекла выбиты, рамы покорежены, на полу потемневшие следы крови.

– Ответственность за взрыв взяли на себя боевики, – сообщил женский голос. – Всего во взрыве пострадало двенадцать человек. Пятеро погибли.

Я вспомнила молодую женщину, которая везла погодок. Представлять вопросы не пришлось – все было написано у меня на лице. Антон покачал головой.

– Мне вовремя подсказали вытащить тебя. Остальное не моего ума дело. И не твоего. Это дела людей.

А я уже не человек, что ли?

«Двое мужчин задержаны по подозрению», – затараторила ведущая, и на экране возникла черно-белая картинка со снимком скрытой камерой. Лица расплывались, видны были только темные фигуры.

Было бы изображение почетче... Я подошла к маленькому телевизору почти вплотную, изо всех сил напрягая глаза. Но ничего нельзя было толком разобрать.

– Знакомый взгляд. – Антон допил свой черный, как ночь, кофе и налил добавки. – Когда Хельга так на кого-то смотрела, человек околевал.

Я вернулась к столу. По-моему, заморозить – слишком милосердно по отношению к тем, кто это сделал.

– Вера, нельзя просто уничтожить всех вокруг, – терпеливо пояснил Антон. – Даже если ты в состоянии это сделать. Должен соблюдаться баланс.

Я глянула на него через стол. Сколько там сказали – двенадцать человек? Как-то не очень похоже на баланс.

– Ешь. – Антон выключил телевизор. – Не тебе решать, кому жить, а кому нет.

Я взялась за вилку. Запеканка оказалась на удивление вкусной и напомнила ту, что готовила мама в моем детстве. Правда, мама всегда щедро поливала ее холодной сметаной.

– Сметана! – вдруг рявкнул Антон.

Я аж подскочила.

– А ну брысь оттуда! – Он метнулся в угол кухни, где стоял горшок с пальмой, и подхватил черного котенка за шкирку. Тот зашипел и начал вырываться, норовя ухватить Антона за палец. Туловище у него было черное, а лапки белые, как носочки.

– Подобрал на свою голову. А ты землю жрешь!

Кажется, котенок все-таки цапнул Антона за палец, потому что тот отпустил его. Котенок вспрыгнул на диван и приземлился рядом со мной. Потом как ни в чем не бывало поднялся, полизал переднюю лапку и вальяжно направился к моей тарелке, задрав хвост.

Я быстро сунула последний кусок запеканки в рот.

– Ишь, – хмыкнул Антон и сел обратно.

Сметана забралась на мою коленку и требовательно мяукнула. Потом начала карабкаться на стол.

– В стиралку засуну! – пригрозил он.

Я подхватила Сметану под живот и прижала к себе. Мася зашипела на нее. Та мгновенно вырвалась, оставив мне две длинные царапины, и сиганула на подоконник, а оттуда – в окно.

– Сметана! А ну куда пошла! Стой! – Антон устремился в прихожую.

Хлопнула дверь. Я подошла к окну, но из-за густой листвы прямо под окном ничего не было видно. Мася, недолго думая, вспрыгнула на стол, схватила небольшой кусок запеканки, так же быстро вернулась на пол и неторопливо удалилась.

Вот засранка.

Я постояла у окна. На кухне было так тихо, что казалось, я слышу собственное дыхание. Поднявшийся ветер из открытого окна не приносил ни голосов, ни мяуканья.

Вдруг в коридоре что-то зашуршало. Казалось, звук щекочет меня прямо под кожей – или это побежали мурашки? За шуршанием последовали ленивые шаркающие шаги. На пороге кухни показался растрепанный парень лет шестнадцати. Он был такой худой, что почти терялся в полинявшем синем свитере и широких джинсах. В одной руке он мял пустой пакет от чипсов, другой держался за стену и во все глаза таращился на меня.

– Ты кто? – ошарашенно спросил парень.

У меня был тот же вопрос, но задать его без голоса я не могла.

В коридоре щелкнул замок, и вошел Антон, на ходу поглаживая пушистый комок за пазухой.

– И больше не убегай, – приговаривал он вполголоса. – И землю не ешь. Во всем слушайся Масю. Ну все. Друзья?

Он выпустил Сметану. Та задрала пушистый хвост и важно отправилась вглубь квартиры. Антон заметил парня, и лицо его, и так малоэмоциональное, превратилось в восковую маску.

– Доброе утро.

Я выдохнула. С убийцами так мирно не здороваются.

Антон не спеша разулся, дошел по длинному коридору до кухни и, поравнявшись с парнем, вынул у него из рук пустую пачку.

– Не ешь эту дрянь на голодный желудок. Лучше нормально позавтракай. Вон запеканка готова.

– Это кто? – Парень ткнул в меня пальцем.

На запеканку ему, судя по всему, было глубоко наплевать.

– Это Вера. Она поживет пока с нами. Кофе хочешь?

Антон выбросил мятую пачку в мусорку и достал из шкафчика над мойкой чашку и пластмассовую коробочку. Такие вроде называют таблетницами.

– Вера, это Ваня. Мой брат.

На кухне повисла почти осязаемая тишина. Судя по взгляду, которым Ваня сверлил меня, перспектива пожить со мной под одной крышей воодушевления у него не вызывала.

– На ней мамино платье, – сообщил Ваня тоном обвинителя.

– А ты сам хотел его поносить? – Антон поставил чашку и таблетницу на стол. – Ешь.

Ваня не отреагировал, и Антон сделал странную вещь – взял меня за руку, уводя из кухни.

– Пойдем, – тихо позвал он. И добавил уже громко: – Мы с тобой потом это обсудим.

Я в полном замешательстве позволила увести себя в комнату, где ночевала. Антон подошел к высокому комоду с потертыми боками, выдвинул все ящики разом, и в носу засвербило от запаха старой ткани.

– Я тут ничего не трогал. Сама разберешься, – сказал он. – Мама...

В дверях возник Ваня.

– Нет, давай сейчас обсудим, – прогундосил он. – Почему на ней мамино платье?

– Ты уже позавтракал? – спокойно отозвался Антон, не поворачиваясь.

– Я спросил, почему на ней мамино платье.

Антон обернулся, и я уловила его еле слышный вздох.

– А тебе жалко?

Ваня вздернул подбородок.

– Может, и жалко! Давай теперь всем встречным платья раздавать!

– Ну можешь пораздавать. Если кто-то возьмет.

– А ты чего молчишь? – Ваня переключился на меня. – Нормально тебе в чужих шмотках?

Я застыла. Даже будь у меня голос, я понятия не имела, что на это ответить.

– Так, давай на выход. – Антон решительно шагнул к нему и, взяв за плечи, развернул лицом в коридор. – Запеканку съешь. Потом таблетки.

– Пусть баба твоя жрет запеканку, – тихо, но отчетливо огрызнулся Ваня.

Антон вытолкал брата из комнаты и закрыл за собой дверь. Послышалась возня.

– Чтобы я такого больше не слышал.

– Пусти!

– Понятно?

– Пусти, блин!

– Понятно, я сказал?

– Сука!

Этот крик вывел меня из оцепенения. Преодолев несколько метров, я толкнула дверь. Антон нависал над Ваней.

– Иди! – Он несильно подтолкнул брата в сторону кухни.

Сверкнув на меня злыми глазами из-под густых бровей, Ваня ушел.

– Извини. – Антон сложил руки на груди. – Я должен был сказать, что он здесь живет.

Я решительно направилась в комнату. Дело не в том, что он не сказал, а в том, что это с самого начала была плохая идея. Зачем я вообще с ним пошла? Почему не приняла подарок Летней Девы? Была бы сейчас с голосом. И в другом месте.

– Вера!

Может, рискнуть и вернуться в квартиру, где я жила последний месяц? Вдруг ее не опечатали? Или все же добраться до мамы. Я все равно собиралась. Но сначала надо выдумать себе нормальную одежду. Джинсы и футболка как раз подойдут. Я уперлась руками в злосчастный комод, зажмурилась и попыталась по памяти восстановить в голове фактуру джинсовой ткани. Темная такая, с косою строчкой по бокам...

– Да твою же мать! Даже не вздумай! – Тяжелая ладонь опустилась как раз туда, где все это время торчали осколки, и слезы сами брызнули из глаз.

Как же больно!

* * *

– Надо было мне сразу сказать. Написать. Представить. Что ты там обычно делаешь. Оно вон уже воспалилось...

В комнате пахло спиртом. Яркий дневной свет сменился приглушенным послеполуденным, линолеум окрасили оранжевые блики. Я сидела неподвижно на полу у дивана, подогнув под себя ноги, и ждала. Верх платья пришлось снять – собрав спереди ворохом, я аккуратно придерживала его на груди. Стоило развязать пояс, как верх свободно соскользнул к талии.

Жесткие шершавые пальцы легли мне на спину. Стало щекотно, потом резко больно. Запах спирта усилился, кожу защипало. Я подавила вздох.

– Удивительный ты человек. Ничего не сказала, все молчком. А если тебе ногу или руку проткнет, тоже будешь молчать в тряпочку? – пробормотал Антон.

Я не могла уловить по голосу, злился он или ворчал в пустоту, как старая бабка.

– Дыши глубоко. Хельга вот умела замораживать боль. Чью угодно, кроме своей... Головную на раз снимала. Как-то даже Ваньке на расстоянии помогла. Я их, конечно, не знакомил... Ну-ка. – Он придерживал меня за плечо и один за другим вытащил три осколка. – Вдыхай воздух, выдыхай боль. Знаешь, как в йоге. Видела, как дышат в йоге?

Я не двигалась. Кажется, он выдумывал мои ответы, чтобы не болтать в одиночку. Боль была терпимая, но бередила что-то в глубине грудной клетки. Антон был прав: я не обратилась бы за помощью, даже если бы не потеряла голос.

– Эй. Ты что? Совсем плохо?

Он отпустил меня, но поздно – меня трясло, как после взрыва. Пришлось зажмуриться, крепко обхватив себя за плечи. Я пыталась думать о Косте, но это не помогло. Тогда я стала вспоминать Эдгара. Как-то он подарил мне кольцо и пообещал, что где мы ни были, он услышит, стоит мне повернуть его на пальце...

– Тоха! – послышался из-за двери голос Вани. – Ты тут?

– Не заходи, – велел Антон, но было поздно: Ваня уже открыл дверь и замер на пороге.

Я подтянула ворох ткани до самого подбородка. Ваня переводил взгляд с меня на Антона и вдруг бросил почти с отвращением:

– Ты охренел? Вот почему она тут, да еще молчит! Ты ее...

– Угу, – ровно подтвердил Антон, и я с перепугу даже не расслышала издевку в его голосе. – Насилую бедную девочку.

Чего?? Если бы я могла снова потерять голос, то именно это и сделала бы.

Ваня упер руки в бока, став похожим на тощего ошипанного вороненка.

– Пользуешься тем, что ей некуда идти!

– Именно так. Сейчас по второму кругу пойду.

Я отшатнулась, но Антон и не думал ко мне прикасаться.

– Отойди от нее! – взревел Ваня и, кажется, всерьез собрался оттаскивать от меня более крепкого и высокого брата.

– Уже побежал. Как звать-то «ее», помнишь? – поинтересовался Антон, не меняя тон.

Ваня обернулся ко мне. Видимо, ждал, что я представлюсь.

Сейчас он спросит, немая ли я, и мы вернемся туда, откуда начали.

– Почему ты все время молчишь?

Ну вот.

Антон быстро заклеил ранки пластырем.

– Можешь одеваться. Я все вытащил. А ты давай на выход, защитник.

Ваня воинственно расправил плечи.

– Я ее с тобой не оставлю. Сразу видно, что она тут не по своей воле!

Я отвлеклась от своих мрачных мыслей. Накинула платье обратно на плечи и туго затянула пояс. Видно ему. Непролитые слезы горели в груди, но я не собиралась плакать на глазах у подростка. Где-то тут был блокнот, который Антон мне дал... Вот он, на комод, с карандашиком на резинке. В полной тишине я взяла блокнот и, вернувшись на диван, открыла на первой странице. Бумага была серая и тонкая, карандашик помещался в ладони.

Ваня близоруко склонился над моим плечом.

«Меня зовут Вера, – написала я печатными буквами. – Я здесь по своей воле. Мне жаль, что я без спроса взяла платье твоей мамы».

Не дожидаясь его ответа, я отложила блокнот и проскользнула в коридор, а оттуда на кухню. На улице стемнело, в воздухе разливалась прохладная тишина. На секунду мне почудилось, что я стою в своей старой квартире.

Из комнаты послышались приглушенные голоса, потом мягкие шаги по линолеуму.

– Не злись, – донеслось от двери. – Ванька дурной.

А ты как будто нормальный.

– Тебе точно не нужно никому позвонить? – спросил Антон, и я невольно отметила по шагам, что он подошел ближе.

Большой палец начал прокручивать оловянное кольцо. Никому мне не нужно звонить. Лестер не носит с собой мобильный. А на том свете трубку пока поднимать не научились. Я покачала головой. Если он просто уйдет... Но Антон уселся за стол.

– Хельга долго не могла толком описать девочку, которую мне надо было выловить в метро. Джинсы, футболка, длинные волосы – это все не годится. Сколько угодно таких девочек каждый день бегают по переходам. Мне нужно было имя. Хельга долго не говорила – понятия не имею почему. В результате она сказала, что девочку будут звать как ту, кого я больше всех любил и потерял. Я сразу понял, о чем она. Мама умерла от рака, когда Ваньке было девять. Я ни у кого, кроме нее, больше не встречал этого имени.

Я обернулась, забыв, что по щекам размазаны слезы. Антон продолжал:

– Я уговаривал Хельгу позволить помочь ей. Сделать хоть что-нибудь. Можно же спокойно передать свою силу, не обязательно ждать, пока нападут. Но нет. Она говорила, не пришло еще время – нет в мире человека, который ее заменит. Вот и дотянула до последнего. Я до сих пор не понимаю – почему ты? Почему тысячелетняя старуха выбрала девочку, которая

дай бог школу окончила? – Он взглянул на меня через стол. – За что тебе эта ноша? Вон чуть не убила тебя в первый же день...

Я вспомнила: Хельга говорила, что ей нужна помощь. Что я сияла. Возможно, она искала того, кто умеет оживлять фантазии? Но почему я, а не Лестер?

– Ты знаешь, почему она выбрала тебя? – пытливо спросил Антон.

Он смотрел в одну точку. Я проследила его взгляд – он разглядывал мое кольцо.

А может, дело не в силе воображения? Лестер ведь намного сильнее и опытнее. Возможно, старухе нужен был кто-то, у кого не дрогнет рука. Кто способен уничтожить того, кого любил. И жить дальше.

Я покачала головой, глядя Антону прямо в глаза.

«Не знаю», – ответила я одними губами и накрыла кольцо ладонью.

Вера, 13 лет

Я не раз спрашивала Лестера, есть ли еще такие, как он и я. Спрашивала, откуда он взялся и как вообще родилась в мире эта способность создавать вещи из ничего. Лестер рассказывал мало, а появлялся только тогда, когда ситуации из плохих становились попросту безвыходными. Многие ответы мне пришлось искать самой.

После того случая с открывшейся раной я много экспериментировала. Сначала пробовала представить то, что видела много раз – купюры, например, – потом перешла на то, что представляла только в теории. Каждый раз я слышала характерный хруст, но даже вообразить не могла, что это осыпается, как штукатурка, моя душа.

Как-то под Новый год я решила оживить три елочные игрушки – золотую мышку, котенка и маленькую змейку. На мышке заявился Лестер. Я была одна дома, и он преспокойно зашел через входную дверь, открыв ее ради эффекта своим ключом.

– Моя радость, существует множество других способов покончить с собой. У меня даже где-то был список... Зачем использовать такой примитивный. – Он указал на вздрагивающий хвостик в моей ладони. Потом посмотрел на мой плюшевый домашний костюм и тапочки и склонил голову набок. – Как мило.

– А что, кто-то умер, оживляя елочную игрушку? – Я крутанулась на стуле, внутренне радуясь: наконец-то Лестер мне хоть что-то расскажет.

Он сделал неуловимый пас рукой, и камзол сменился таким же, как у меня, плюшевым костюмом. Только мой был зеленым, а его – ярко синим.

– Объясняю один раз. Вот у этого, – он изящно оттянул пальцами мягкую ткань на груди, оставив мизинец, – нет души. Оно не обладает волей. Не чувствует страх, голод, жажду. Не проживает свою жизнь. У него нет воли.

– Логично. Ты же не бог.

Лестер улыбнулся в тридцать два зуба.

– Я и не претендую. И тебе не советую.

Я покрутила золотую мышку в пальцах.

– Значит, те, кто претендовал, – умерли?

Лестер забрался на мою кровать и сел по-турецки. Странно было видеть его таким домашним. Странно и подозрительно.

– Кто? – беззаботно уточнил он.

– Ну есть же другие. Должны быть. То, что мы делаем, – я взвесила мышку на ладони, – не так уж и сложно.

– Да, сущие пустяки. Значит, по-твоему, они умерли?

Я сделала еще один круг на стуле. Год выдался непростым. Родители были на грани развода, но думали, что я ничего не замечаю. Программа в школе – я окончила седьмой класс – становилась все сложнее. Чем больше предметов добавлялось, тем очевиднее становился мой

интерес к одному-единственному – литературе. Там меня хвалили. От других предметников все чаще прилетало: «витаешь в облаках». Как будто это преступление.

– Ты мне скажи. А если не скажешь, – я перевела на него взгляд, который в школе окрестили «свинцовым», – представлю, что у тебя что-нибудь отвалилось. Ножка там. Или ручка. Или носик.

Лестер расхохотался.

– Смотрю, тебе понравилась та экскурсия. Надо почаще такое устраивать.

Лестер сдержал обещание, и как-то ночью мы отправились в морг. Меня вырвало трижды, но опыт был интересный.

– Просто скажи мне правду. Есть еще такие, как мы?

– Конечно. – Отсмеявшись, он сел прямо, поправил свои неизменно белоснежные локоны и устремил на меня взгляд небесно-голубых глаз. – Как там было? «И сотворил Бог небо и землю. И сказал Бог: «Да будет свет!» Пожалуйста. Бог создал материю из ничего. Только кроме материи он создал души. Очень много души. А у тебя, – он перегнулся через собственные скрещенные ноги, чтобы дотянуться до моей груди, – только одна. Не растрачивай ее слишком быстро. И запомни, Вера, – никогда не создавай ничего живого.

С этими словами он растаял – прежде, чем я успела задать мучивший меня вопрос о его собственной душе.

Глава 6

Антон

Когда все легли спать, я включил компьютер и активировал доступ к базе данных. База была старая, но и я больше не работал там, где раньше. Веру я нашел быстро, поочередно вбивая разные годы рождения. Царева Вера Александровна, девяносто третьего. Ей сейчас, значит, двадцать. А на вид подросток подростком – худая, изможденная, смотрит волком на всех. Видно, Хельга сильно ее испугала, раз она потеряла голос. Ванька вон в детстве так перепугался один раз – собака на него напрыгнула, – что целый год молчал.

По базе выходило, что родители ее в разводе, у отца уже другая семья. Росла, как все. Садик, школа. Дальше след обрывался. Ни института, ни техникума, ни работы. Как на дно залегла. Или просто исчезла.

Надо бы расспросить ее... У немой немного, правда, визнаешь.

Квартира, где она жила, располагалась не дальше той, где базировалась Хельга. Ехать было недалеко, особенно ночью по пустой дороге. Старенькая хрущевка. Четвертый этаж. Пешком, конечно, – про лифт тут не слышали. Дверь опечатана, красно-белые полосы крест-накрест чуть не светятся в темноте. Когда это кого останавливало...

В квартире было холодно, как в склепе. Я постоял немного в темном коридоре, прислушался. Шорох занавесок, поскрипывание старых половиц – обычные звуки старого здания. В воздухе висел едва уловимый след мороза, как если бы кто-то зимой оставил дверь распахнутой. Сомнений нет – Хельга тут побывала.

Я включил фонарик. На стенах пусто, за исключением фотографий котов и смазанных пейзажей. На кухне бардак. Потолки высокие, обои на стенах местами отклеились, кое-где совсем оторвались. В углу старый календарь. Я осветил на выцветшую страницу – август две тысячи девятого, четырнадцатое обведено красным.

Непохоже, чтобы здесь жила молодая девушка.

Стол был усеян исписанными бумажками. Какие-то валялись на полу, остальные – на кушетке без подлокотников. Дверь заклеили, а бумажки не подобрали. Молодцы. Я осветил на страницы. На всех одинаковый почерк с острыми косыми росчерками. Собрал все, свернул и сунул в карман. Прочту, как будет время.

Мусорка была забита упаковками от пиццы. А вот тут уже больше похоже на молодняк. Из шкафа в углу свисала трубка допотопного телефона с вертушкой.

Я пошел в комнату. Зажег свет. Ничего. Кровать заправлена, пол расчищен – видно, здесь улики собирали тщательнее. Прямо напротив кровати стояло кресло с деревянными подлокотниками. От линолеума пахло хлоркой. Никаких следов того, что здесь произошло. Но раз дверь опечатали, труп они нашли. А где труп, там дело. У меня осталась, конечно, пара товарищей с работы, но одна песня – дать доступ к устаревшей базе данных, другое – закрыть дело об убийстве. Надо будет все-таки расспросить Веру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.